

16+

Ann Up

Теорема существования 2

Константа

Ann Up

**Теорема существования
– 2. Константа**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ann Up

Теорема существования – 2. Константа / Ann Up — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Продолжение истории о приключениях Инги. Оказавшись против своей воли в Алорне, она пытается сбежать от нежеланного жениха к своему любимому дракону. По пути ей встречается много странных и очень интересных людей. Как и в первой части, присутствуют эльфы, драконы, маги, пришельцы... и любовь.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

При оформлении обложки использована фотография автора panajiotis с <https://pixabay.com/> по лицензии CC0
(https://cdn.pixabay.com/photo/2016/12/27/16/01/romantic-1934223_960_720.jpg)

Глава 1

Росакар. Столица. Резиденция рода Рош Экиа.

Два месяца после катастрофы.

За дверью послышался смех, Ян приоткрыл глаза. Слышно было как Арис в коридоре шуточно приставал к одной из горничных. Та визгливо хихикала и, Ян мог поспорить, смущаясь, прикрывала покрасневшее лицо фартуком.

У Яна, схватить, пробегающую мимо, служаночку, за зад в пышных юбках, или ущипнуть за грудь, рука не поднималась. Было тошно и брезгливо.

Арис, младший брат, баловень и любимец семьи, приехавший следом за отцом из дворца проведать вернувшегося из изгнания брата. Темноволосый улыбчивый и зеленоглазый, душа любого общества.

Он, смеясь, зашел в комнату. Ногой подвинул кресло поближе к кровати. И плюхнулся в него развалившись.

– А знаешь ли ты, братец, что родители собрались дать скромный прием в честь твоего возвращения?

– Вот как? – Ян приподнялся на локте.

– Да-да, возвращения и выздоровления, а я смотрю, ты совсем раскис, – Арис приподнял салфетку на нетронутым подносе с едой, стоящем на прикроватном столике, – не расскажешь, что случилось?

«Инга со мной случилась, – тоскливо подумал Ян, – Инга Владимировна Савельева».

Она словно заразила его неизвестной болезнью, изменяющую что-то в голове, и весь мир теперь выглядел по-другому, и Ян, в чем-то, даже завидовал младшему братцу. Девушки, развлечения, охота, друзья, немножечко финансовые дела. Жизнь по накатанной колее. А самое главное, все просто и никаких, лишних, душевных терзаний.

«Это у нас экстремальные обстоятельства, а у окружающего мира все так как было, так и продолжается, – словно наяву услышал он слегка насмешливый голос Инги, – миру вообще пофиг на тебя, по большому счету».

Инга. Это имя засело внутри болезненной занозой, которую не представлялось возможности вытащить. И боль вокруг нее расплзалась все дальше и проникала все глубже.

Ян пожал плечами и даже смог улыбнуться братцу в ответ.

– Да ничего интересного, прожил часть лета в Равенхальме, – Ян сел на край кровати, – потом, вот, путешествовал немного.

Арис прищурился.

– Вастаб написал отцу, что ты приходил за «темным мешком».

Ян потянулся за стаканом с водой, не спеша отпил.

– Приходил.

– И? – младший братец дернул ногой от нетерпения, клинки у него на поясе звякнули.

– Получил, – подтвердил Ян, – и прожил зиму в Лерте.

Арис рассмеялся.

– А ты изменился, – сказал он, вдруг перестав улыбаться, – и взгляд у тебя стал... мертвый.

Ян неспешно поставил стакан обратно на поднос и серьезно, без тени улыбки, посмотрел на брата.

– А я и умер, думаешь «темный мешок» просто так отдают?

– А что за история с травницей? – не сдержал любопытства Арис, – отец письма получил и молчал, а Вастаб писал, что ты очень ее слушаешь.

Ян не знал, как ответить. Рассказать кто такая Инга? А поймет ли ветреный братец? Да и как объяснить, кем она стала для него, Яна?

Можно, конечно, рассказать про чудесную, умную, женщину, которую посчастливилось встретить и это будет полнейшей ерундой.

Ян вздохнул:

– Она не травница.

Арис явно изнывал от любопытства

– Ярран, не тяни, расскажи.

– Она ученый, математик, мы жили в Лерте, потом поженились, потом немного путешествовали.

– Поженились, но ведь ты был изгнан? – не сумел скрыть удивление Арис, Ярран с мрачной усмешкой взирал на отвисшую челюсть младшего брата.

– Кроме законов Росакара существуют и другие, – пояснил он, – мы поженились по древнеславянскому, языческому, обряду.

Смысла он и сам не очень понимал, в мире Инги все было запутано, даже с ее объяснениями, но словосочетание, особенно с приставкой «древне», звучало внушительно.

– А потом вы путешествовали в горах? – неверяще спросил Арис.

– В горах, – Ян утвердительно кивнул и улыбнулся, – там было озеро и суворовские бани, а еще палатка и пуховые спальники. Знаешь, оказывается если ходить пешком, а не летать, то можно узнать и увидеть уйму интересного.

– И как ты вернул горга?

Об этом бы спросить у Инги, снова мелькнула мысль, происходящие на станции процессы она понимала гораздо лучше, чем он.

У Яна не получалось думать о ней как о мертвой. Он просыпался утром, говорил себе: «Инга умерла, ее больше нет», разум соглашался, но тут же предательски шептал: «Ты не видел, что там произошло, ты не видел ее тела, может алорнец тебя обманул, ты же видел как он смотрел на нее?» И Ян позволял этому сомнению жить внутри себя. Вот только какие действия предпринять решения не приходило.

Пожалуй, верным было бы дожидаться пока заживет рука и вернуться в дом в Лерте. Находиться здесь, в столице Роскара, Ян больше не хотел. Было невыносимо смотреть на беготню слуг когда отец вечерами возвращался из министерства, запирался в кабинете и ужинал там.

На мать, ежеутренне выходящую к завтраку при полном параде, в украшениях, с прической. На старшую сестру, похожую на мать настолько, что они казались сестрами-близнецами. Похожая одежда, одинаковая поступь, одинаковые движения рук и даже выражение лиц похожее: чаще всего недовольно поджатые, бледные губы.

Ян, провалявшись в лихорадке почти месяц, встав на ноги, выдержал целых два таких парадно-деревянных завтрака. И, ссылаясь на плохое самочувствие, попросил приносить еду к нему в комнату.

Семейных обедов почти всегда удавалось избежать, изображая занятость делами. То верхом уехал и возвращался долго, то на прогулке в парке задержался. То, якобы, приятеля встретил. Приятелей, а вернее бывших собутыльников Ян встречал регулярно, иногда раскланивался и старался побыстрее свернуть разговор ссылаясь на неотложные срочные дела, иногда просто делал вид, что не узнает.

– Так как ты вернул горга? – снова спросил Арис, – и почему тебя доставили в таком виде? Мать сказала, что ты молчишь и сидишь большую часть времени у себя в комнате. И не разрешил доктора.

– Я рисовал, – пояснил Ян, – мне нужно было успеть пока телефон работает. Но, вроде, батарея еще полностью не разрядилась. Наброски я делал.

Арис ошарашено пытался что-то произнести.

– На-наброски?

– Да, – Ян достал из-под кровати ящик с листами бумаги, – вот, смотри.

С листа на Ариса смотрела девушка со светлыми волосами и с прищуренными от яркого солнца глазами. За спиной у нее причудливо складывалось переплетение геометрических линий.

На втором листе был нарисован Ян и эта же девушка, ракурс был выбран странный, близко от лиц и слегка сверху. Оба смеялись, глядя на художника, а девушка, кажется, тянула к рисовавшему руку.

Арис интуитивно почувствовал, что отпускать фривольные шуточки глядя на портрет неизвестной женщины не стоит, слишком уж болезненно Ян смотрел на ее изображение.

Арис кашлянул.

– Красивая, очень.

– Ага, красивая, – Ян торопливо спрятал листы в коробку, – мы пришли в горы, там было святилище древних, и там я вернул себе горга. А доктора я не разрешил вот поэтому.

Ян посмотрел на брата и закатал рукав рубашки. Камни почти все отпали и остались только существенно уменьшившееся браслеты на запястьях и линия вдоль спины.

– Ого, – Арис разглядывал камни, – это что за украшения? Погоди, это ж камни древних, почему они прямо к коже прилипли?

– Это лекарь древних прикрепил, – пояснил Ян.

– А ты видел древних? – потрясенно спросил Арис.

– Нет, – Ян улыбнулся настолько очевидно было любопытство брата смешанное с удивлением

– Но лекарь...

Ян вздохнул и пояснил:

– Лекарь как оказалось, это искусственный интеллект, там много всяких таких штук было.

– Интеллект, разум, – повторил Арис задумчиво, – искусственный разум? Хочешь сказать, что древние создавали разум, как торговки на большом базаре делают шелковые цветы?

Ян рассмеялся.

– Создавать разум все-таки сложнее, чем накручивать шелковую ленту на сухую палочку и закреплять клеем, – Ян повторил фразу когда-то сказанную Ингой, – не на коленке делается.

В дверь постучали.

– Да! – откликнулся Ян.

Дверь осторожно приоткрылась.

– Эрт Ярран, там принесли мешок с опилками, на цепях, – раздался слегка удивленный голос Грида, домоправителя, – говорят, вы велели его повесить в зале для фехтования.

– Да, сейчас покажу, где нужно повесить, – Ян спрыгнул с кровати и спешно натянул сапоги.

– Мать жаловалась, что ты странно одеваешься, я думал она преувеличивает, – пробормотал Арис глядя на джинсы и рубашку Яна.

– Мне так удобно, – пожал плечами Ян, – скажи матери, что на официальный прием я оденусь как положено. Кстати, ты наверняка в курсе. Они затеяли это, чтоб представить мне Дегну Рош Истаг?

Арис выпучил глаза:

– Да, откуда ты...

Ян презрительно хмыкнул.

– Отец становится предсказуемым.

Ян быстро сбежал вниз по лестнице в холл и оттуда, в зал для фехтования.

Там уже стояли, ждали работники. Рядом с ними лежал мешок из толстой кожи, набитый песком и опилками.

– Вот туда, на балку подвесить, – распорядился Ян, – закрепите очень прочно. Мешок не должен упасть.

– И что это? – спросил из-за спины Яна Арис.

– Боксерская груша, – усмехнулся Ян, – сейчас, закрепят, покажу.

– Я крута! – Инга смешно махнула руками.

Яну стало любопытно, Инь изображала удары, но как -то странно. Явно что-то интересное, не замахи кулаками как у деревенских бойцов, не подлые приемы, тычки исподтишка, как у стражей.

– Покажи еще! – попросил он.

Инга смутилась так, что щеки у нее порозовели.

– Ну, руки держат вот так, лицо закрывают, – она выставила кулачки вперед, – и локтями прикрывают корпус. И вот это прямой удар. А вот так вот, сбоку бьют, – она смущенно хихикнула, – можно в ухо, можно в челюсть

– Это хорошо, когда противник стоит на месте, – Ян снисходительно улыбнулся, – а если двигается, то ты в него не попадешь.

– Неее, – Инга встала на цыпочки и попрыгала с одной ноги на другую, – там надо постоянно всяко уворачиваться. Танцевать. Только у меня не получится тебе показать, у меня центр тяжести неправильный.

Она на секунду задумчиво прикусила губу и подпрыгнула на месте

– Конечно, сейчас мы будем смотреть кино!

– Кино?

– Да, у меня тут в телефоне один фильм. «Быстрая сталь» называется, это сказка, но бокс там показан настоящий. Сейчас, сам увидишь. Жаль, экран маленький.

На этот маленький экран Ян смотрел во все глаза. Там был не только «бокс», там еще была часть жизни, той, в которой жила Инга. Люди, улицы, повозки-автомобили, жилища.

Ян смотрел не отрываясь:

– Стой, стой, покажи мне еще вот это! – он вскакивал на ноги и повторял движения, чувствуя себя до злости неуклюжим, – да как он так ногами умудряется двигать?! Это невозможно так двигаться!

Инга смеялась.

– Они много тренируются, бегают, прыгают на скакалке. Чтобы ноги были сильные, развивают мышцы и правильно питаются. А еще они бьют грушу.

– Грушу? В смысле дерево?

– Нет, груша это такой мешок, обычно из кожи набитый песком с опилками, и на цепях подвешенный на стойку, – она ткнула пальцем в экран, – вон смотри. Я как-то смотрела кино про боксера, так он умудрялся удары отрабатывать на коровьих тушах. Но, думаю, груша все-таки удобнее.

– Какими тренировками можно добиться такого? – спрашивал Ян упрямо пытаясь повторить удары.

– Осторожнее, не скачи так, – притормозила Инга его прыть, – нужно сперва мышцы разогреть, а то потянешь.

– Как это сделать?

Инга вздохнула:

– Ты за один раз хочешь усвоить то, что люди годами изучают.

– Я способный.

– Обычно все начинают с разминки, приседают, отжимаются, – она показала движения, – так же, как перед фехтованием. Помнишь, в Лерте ? Только больше упражнений на все мышцы. Потом начинают тренировать удары на груше или спарринг, это бой с человеком. Естественно надевают защитную экипировку, чтобы руки не разбить и голову не стрясти.

– Покажи мне еще раз.

Инга, улыбаясь, включала повтор и на маленьком экране снова и снова повторялись варианты ударов.

– А вот как раз уход от удара, – прокомментировала Инь очередную картинку, – смотри, как это делается. И еще он когда бьет очень резко выдыхает воздух, как будто фыркает, видишь?

– Кажется я понял, – Ян медленно повторил уход в сторону и немного вниз.

– Ух, у тебя здорово сейчас получилось! – Инга смотрела на него с таким восторгом, что он готов был хоть всю ночь торчать тут в коридоре, по -дурачки прыгать, пытаюсь изобразить и понять увиденное в ее телефоне.

Тем временем на экране начались финальная сцена фильма, главный герой победил всех своих врагов и, не стесняясь, целовал красивую женщину с каштановыми кудрями. А потом экран стал темным и по нему побежали буквы незнакомого текста.

– Вот это да! – Ян снова подскочил на месте, – я тоже так хочу. Раз! Два!

Инга обняла его за талию.

– Учись, основные приемы ты, кажется, запомнил. Думаю, с годик тренировок, и ты будешь отправлять в нокаут любого, кто осмелится тебе перечить. Легко так, – она, смеясь, сделала движение будто стряхивала пылинки с одежды.

Ян согласно покивал:

– Люблю, когда спор разрешается в мою пользу.

Грушу подвесили на балку под потолком и хорошо закрепили.

– Спасибо, можете идти, – Ян развернулся к управляющему, – Грид, будь любезен, оплати людям работу. И распорядись, чтоб приготовили мне ванну.

Ванна здесь была делом долгим, нелегким и требующим беготни с ведрами с этажа на этаж. И заказывать ее требовалось сильно заранее. Это тебе не в Лерте, зашел, кран открыл и вот она – горячая водичка.

Ян повернулся к Арису.

– Ты со мной?

Брат ехидно заржал.

– В ванну? Думаю нет.

Ян в ответ ухмыльнулся.

– Ну ладно, я предлагал, ты отказался.

Он закатал рукава рубашки. Прикрыл глаза, вспоминая, что рассказывала Инга и как они тренировались. «Сначала хорошо разогреть мышцы»

Он побежал трусцой по залу, не спеша, так же как в Лерте, на площадке для фехтования. Зал даже больше, но кругов двадцать нужно пробежать. Сапоги равномерно шоркали по деревянному полу. Может, найти мага, который делает копии вещей и скопировать странную белую обувь Инги? Она очень ловко в них бегала. Возможно, маг и размер подгонит.

Ян прикрыл глаза и словно вживую услышал сопение Инги под боком. Похрустывал несуществующий снег под ногами, дыхание вырывалось облачком пара на морозном воздухе. Кажется, открой глаза, и Инга будет тут, рядом. Бежать, сосредоточенно глядя под ноги.

Волосы у нее выбивались светлой волной из-под пестрой вязаной шапочки, на щеках горел яркий румянец.

Сбоку раздались тяжелые шаги Ариса, братец сбросил камзол и пояс с ножнами в угол и теперь бежал рядом, изо всех сил пытаясь не задохнуться.

Ян повернулся к нему и пробежал несколько шагов спиной вперед.

– Сапогами, как копытами стучишь, братец, – поддел он его.

– Можно подумать, ты порхаешь как бабочка над цветком мораны, – огрызнулся Арис, пытаясь не хватать ртом воздух.

– Вдыхаешь через нос, выдыхаешь через рот, – посоветовал Ян, – я бегу двадцать кругов, ты, как хочешь.

Он развернулся и все так же неспешно побежал, чувствуя, как сопротивляется тело. Как медленно теплеют мышцы. Как спина становится мокрой от пота. На двадцать первом круге он замедлился и перешел на шаг вращая кулаками в стороны. Левая рука побаливала, рубцы неприятно тянуло, но швы за пару месяцев хорошо зажили.

Хотя бинты Ян не снимал, не хотел, чтобы посторонние видели камни на запястьях.

Его догнал запыхавшийся Арис.

– Что дальше?

– Дальше? – Ян ухмыльнулся и подмигнул выдохшемуся братцу, – отжиматься будем.

Упражнения были знакомы, он делал их уже не раз, сначала медленно, опасаясь повредить руку, потом в полную силу.

Арис, глядя на Яна, попробовал встать в «планку» и провис животом в пол. Ян ехидно фыркнул.

– Неуж мой братишка слабак?

Ответом ему стало злое пыхтение:

– У меня сапоги по полу проскальзывают.

– Не сапоги, а пузо у тебя по полу проскальзывает, – съязвил Ян, – смотри и считай.

– Хочешь сказать, что ты больше тридцати раз сможешь...

– Отжаться от пола, – подсказал Ян,

– Больше тридцати раз отжаться? – лицо Ариса выражало огромное сомнение.

– Да легко, – фыркнул Ян и вытянул одну руку вперед, – десять раз.

Арис присвистнул и начал считать

– Четыре, пять..., десять, ого!

– Теперь другую, – Ян сменил руку, и отжавшись еще десяток раз легко поднялся с пола, – а теперь я пошел подтягиваться, а после вымещать злость на мешке.

Мышцы ныли от нагрузки.

Когда шли по лесу к Кристальной горе Инга призналась, что специально уговорила его заниматься фехтованием.

– Зачем? – удивился Ян.

Инга улыбнулась:

– Физическая нагрузка снимает стресс, да и мне не мешало научиться обращаться с оружием

– Стресс? – уцепился Ян за незнакомое слово. Инга поправила лямки рюкзака на плечах и пояснила.

– Это если совсем просто, состояние очень сильной тоски и подавленности.

– То, что со мной было, – согласно кивнул Ян.

– Вот. Один из способов избавления от подобной хандры – занятия физкультурой. Если твоя любовь тебя бросила, и ты ноешь, – Инга хихикнула, – иди в спортзал, после хорошей физической нагрузки сил на нытье уже не будет.

– Главное не ныть? – смеясь уточнил Ян.

– Самое главное! – Инга с умным видом помахала указательным пальцем.

Ян и не ныл, не оставлял себе времени на тоску, но она нет-нет да брала свое, затапливая разум серым ледяным потоком.

– Эээ нет, братец, теперь я точно с тобой! – Арис аж подпрыгнул на месте, – ты умеешь, а я нет? Не бывать такому!

Ян размотал бинты с руки и намотал на ладони. Первый, прямой, удар по груше получился неловким, как у мальчишки первый раз ввязавшегося в драку и толком не понимающего как и куда бить противника. Второй получился немногим лучше. Ян отошел в сторону, отдышался.

«Встать в стойку, ноги на диагональ, кулаком прикрыть челюсть, локтями ребра» он медленно двинул рукой вперед, дотягиваясь до мешка, примеряясь.

Арис стоял сбоку затаив дыхание и наблюдал.

Ян попробовал ударить быстрее, и еще раз вкладывая силу веса, и еще, повторив удар с сотню раз, отработал прямой второй рукой. Груша вибрировала и отзывалась глухим гулом на прикосновения его кулаков. Ян попробовал провести серию ударов, почти так же, как показывала Инга: «Прямой, прямой, хук, апперкот», отойти, выставить ногу чуть вперед, нанести серию, опять отойти, сменить ногу. И снова повторить, и так до бесконечности.

– Братец, объясни-ка мне, как ты это делаешь? – Арис помахал кулаками пытаясь повторить движения Яна.

– Я сам еще толком не разобрался, – Ян отошел в сторону, руки гудели, – сколько мы уже здесь?

– Второй круг почти прошел.

– Да, кажется, пора заканчивать.

Ян смотал бинты с ладоней, они не спасли, кожа на костяшках оказалась сбитой. Те странные штуки на руках у бойцов в мире Инги, так и назвались: боксерские перчатки. Нужно заказать у скорняка такие.

Он вздохнул и выходя из зала тихо застонал, Инги нет, а она всю присутствует в его жизни. Хорошо, что Арис задержался, забирая сюртук и португую и ничего не услышал.

* * *

Первую неделю Ян изводил себя вопросами, почему? За что? Как это могло произойти? И самое главное: зачем он оставил ее на станции вместе с этим алорнцем?

Если бы он остался там, он был уверен, смог ее защитить.

Когда Ян вернулся обратно к станции, тот сидел в воротах, в разорванной рубашке залитой кровью, рядом валялись трупы алорнцев и людей. Надо сказать хорошо разделанные, в здравом уме так рубить тела на части мало кому пришлось бы в голову. Но теперь Ян понимал, что алорнцем руководило отчаянье и злость от бессилия.

– Я пытался спуститься за ней, – сказал он, глядя на Яна безумными и странно покрасневшими глазами, – но там стена осыпалась.

– Где Инга? – спросил Ян, еще не понимая, что происходит, но внутренне холодея от недоброго предчувствия.

Алорнец вытер лицо ладонью размазав грязь и по-собачьи встряхнув головой, посмотрел на шахту.

– Мы вышли встречать тебя, – он втянул носом воздух, – Инга открыла ворота, а там нас уже ждали. Арано и его эти, – он мотнул головой в сторону трупов, – он приставил нож к ее горлу, поранил. А скратово солнце в глаза светило.

Ян с рычанием бросился к алорнцу и за рубашку поднял его к стене.

– Ты сейчас этим позавидуешь, – по рукам побежали темные ручейки чешуи.

Алорнец придушенно захрипел, но сопротивляться не стал. Ян закинул его в холл станции.

- Говори! – приказал, срываясь на рык, глядя, как тот шатаясь поднимается на колени.
- В шахте, оказывается, сбоку штыри из стены, как лестница, они по ним поднялись сюда.
- Дальше, – Ян уже понял, что произошло, но поверить отказывался.

– Он утащил ее туда, на край, – Керико кивнул, – она пыталась его заговорить, чтобы он ушел с солнечного света. Я не оправдываюсь. Но лучи светили в глаза, и я его просто не видел. Она это поняла и стала его сдвигать в сторону.

- Сдвинула? – хрипло спросил Ян, глядя на Керико и сжимая кулаки.

– Да, я метнул в него клинок, но они стояли близко к краю, и он потянул ее за собой, мне пришлось убирать этих, а из шахты очень громкий шум был. Как рев. От этого звука края стали рушиться. Я пытался спуститься туда, но не получилось. Теперь все стихло, – Керико чуть раскачиваясь протянул, – ти-ши-на.

Ян прошел к шахте, примерившись перекинулся в горга, и сложив крылья вполовину стал планировать вниз. Но его теперешние размеры были больше, чем прошлые. А шахта была узкой даже для половинного размаха крыльев.

Крыло зацепилось за торчащий из стены штырь и огромный ее фрагмент рухнул вниз, вырывая из него кусок кожи. От боли из горла дракона вырвался рев.

Он спланировал на груди камней и опасно балансируя попытался лапами отбросить хотя бы несколько. Сверху, вдоль стены, упал хвост веревки.

- Сиди там! – рявкнул Ян. Разговаривать в обличье горга было сложно.

– Я помогу тебе ее искать, – Керико закрепил конец веревки за ворота и собрался спускаться вниз.

- Сиди там! – зарычал Ян, – здесь все шатается, – полезешь сюда, нас обоих завалит.

Каменная гряда под ногами Яна потеряла прочность, поплыла вниз как горящая свеча. Ян ругнулся и перекинувшись в человеческий облик, в прыжке схватился за веревку. На руке оказалась содрана кожа, узкой длинной сверху донизу, полосой.

– Держись, я тебя вытяну, – заорал Керико, и в самом деле принялся тянуть. Станция за его спиной хрустела и, кажется, собралась разломиться на две половины. Гора ворчала и сбрасывала с себя незваных гостей.

Яну казалось, что подъем к воротам занял вечность.

- Где ее рюкзак? – спросил Ян не успев отдышаться.

– Вон, там фляжка и маленькая сумка.

Керико кивнул на вход.

Ян заглянул внутрь. Вещи Инги, документы, были на месте. Он достал аптечку, и в который раз поразился предусмотрительности Инги. В отдельной коробке завернутые в бумагу лежали тканевые ленты – бинты. Еще коробка, Ян точно знал, что там иглы и нитки – зашивать раны. Еще коробка и там настойки трав, уже готовые. Он плеснул на руку настойкой водорослей и заорал. Так было больно.

Протянул пузырек Керико и прохрипел:

- Гуманизм заразен.

Он неловко перемотал руку бинтом.

Керико сделав из бинта салфетку, намочив настойкой, приложил ее к длинному порезу. Лицо алорнца побелело, кончики ушей нервно дергались.

Ян упаковал аптечку обратно в рюкзак. Прикасаться к вещам Инги было странно, будто ступаешь на запретную, чужую территорию.

Он достал телефон и отключив, бережно завернул в рубашку и спрятал в рюкзак.

Керико вдруг попросил.

- Дай мне что-нибудь из ее вещей.

Ян зло оскалился.

– Если ты хочешь дымные горшки, то их там нет, мы использовали последние, чтобы открыть эти ворота.

– Я...не, – Керо мотнул головой, – мне...на память.

Он снова мотнул головой и сгорбившись отошел в сторонку. Уперся обеими руками в ворота и замер, тяжело дыша.

Ян зарычал, отдать хотя бы частичку из бесценных сокровищ из рюкзака Инги было невозможно. Немыслимо, поделиться с наглым алорнцем который ее не сберег, не защитил.

«Защищал, – возразил где-то на задворках разум, – защищал с риском для жизни, а вот ты ее бросил здесь. С этим вот. Хотя подозревал, что это опасно».

Он почувствовал, как на коже снова проявляется чешуя – признак, что контролировать злость становится трудно.

Ян достал из рюкзака Инги запасной кусочек мыла, свежий запах лимонной мяты полетел вокруг как бабочка, и протянул Керо.

– На, возьми.

Тот, не возражая, сжал его в кулаке.

– Надо отсюда спускаться, – Ян положил вещи так, чтобы удобно было собирать их немаленькой когтистой лапой, – я сейчас перекинусь, и полетим.

– Твоя рука, – Керо кивнул на руку Яна.

– Спланировать сил хватит, лететь нет, – проворчал Ян, – кстати, там внизу, пограничный патруль. От них Арано вверх и побежал. Так что думай, что будешь им врать. Рассказывать про здешние чудеса категорически не советую.

* * *

– Ярран! Ян, – Арис догнал его в коридоре, по дороге к лестнице, – я буду с тобой тренироваться.

– Тренируйся, я не возражаю, – Ян поднимаясь по лестнице растирал зудящие болью костяшки, – пока я здесь, думаю, каждый день буду в зале заниматься.

– Пока ты здесь? – Арис взбежал выше по лестнице, – уж не хочешь ли ты сказать, что не подчинишься отцу?

– А должен? – Ян насмешливо смотрел на Ариса.

– А разве нет? – во взгляде младшего брата сквозило что-то похожее на благоговейный испуг. В его мире было немыслимо перечь отцу.

Ян посмотрел на брата снизу вверх.

– Арис, я откупился от рода своим наследством и личным состоянием, тем, что я заработал самостоятельно. Я имею полное моральное право, – он ухмыльнулся, – свалить в закат, не вспоминая о роде, который меня выкинул за ненадобностью как дохлого скрата. «Вход медяшка, выход золотой». Я никому ничем не обязан.

Арис остановился на площадке этажа.

– И куда ты собираешься?

– Думаю в Лерт.

– Почему в Лерт?

Ян не выдержал:

– Потому, что там я был самим собой, и был нужен! По-настоящему, понимаешь, Арис, по-настоящему нужен, ни за звания, ни за деньги! Просто я сам, такой, какой есть. И жил полной жизнью. Сейчас все, что окружает меня это жалкая подделка. Суррогат – замена тому, настоящему, живому. Видел ли ты когда-нибудь женщину танцующую у плиты? Женщину. Танцующую. У. Плиты? Утром, готовит завтрак, заваривает отвар для вас двоих и танцует. И дело даже не в том, что на ней только твоя рубашка и надела она ее для того, чтобы чувствовать тебя еще ближе. Хотя кажется, что ближе просто невозможно. Стоит она к тебе спиной, пританцовывает, а ты замер на входе в кухню, боясь спугнуть, смотришь и понимаешь, что

вот она: настоящая, правильная жизнь. Как, думаешь, Арис, смогу я после этого смотреть на «милых, умных и красивых», а главное, – Ян презрительно скривился, – «весьма полезных роду»? Подобранных для меня отцом с такой же тщательностью, как он племенных кобыл на конюшне выбирает. Здесь не со мной все происходит, с каким-то другим горгом, а то, что имя-внешность совпадает, так это просто какая-то ошибка Вечности.

Ян выразительно помахал забинтованной рукой и пошел в свою комнату оставив за спиной столбом застывшего от удивления Ариса.

Закрыв дверь на замок, Ян, раздевшись, плюхнулся в деревянную ванну с остывшей водой. Внутри тлел огонек гнева, на Ингу, потому что сначала перевернула весь мир с ног на голову, а потом оставила его и он теперь здесь, среди внезапно ставших чужими, родственников.

Зол на отца, потому что придется по серьезному отбиваться от попыток подобрать ему «достойную» пару, на Ариса с его непосредственно-щенячьим любопытством.

На мать и сестру с их отталкивающей замороженностью.

А ведь раньше мать была не такая, вспомнил Ян, она чаще смеялась, и была более живой. А теперь он, склоняясь в приветствии, целовал ее руку, когда сталкивался с ней в доме и ощущал, насколько холодны её пальцы.

Надо улетать в Лерт, теперь, при нынешней физической форме дорога туда займет не больше четырех с половиной кругов.

Ян выбрался из ванны поскальзываясь босыми ногами на мокром полу. Завернулся в простыню. Прошлепал мокрыми ногами через всю комнату, к кровати, на которую бросил свежие рубашку и джинсы. Оделся. Дернул за шнурок звонка. Руки сами собой включили телефон и запустили музыку. На значке «батареи», так называла это Инга, было 43%. Ян понимал, что это меньше половины и скоро он останется совсем один. Телефон казался живым, он пел на разные голоса то, что она любила, он хранил внутри себя, самое большое сокровище – много изображений Инги. В этой маленькой коробочке будто осталась ее часть.

В дверь тут же постучали, Ян, недовольно ворча, пошел отпирать, там стоял серьезный Арис.

– Мама спрашивает, спустишься ли ты к ужину? – он заглянул в комнату, – что за звуки?

– Музыка, – Ян сдвинулся пропуская его в комнату, – я позволяю себе слушать только одну песню, иначе эта штука слишком быстро выключится навсегда.

– О чем он поет, ты знаешь? – Арис с любопытством смотрел на темный экран, по которому летели разноцветные искры, – это музыкальная шкатулка древних, да?

– Да, шкатулка древних, – решив не вдаваться в объяснения, что это за штука, подтвердил Ян и повторил слова Инги, она напевала эту песню когда они шли к Кристальной горе, а потом переводила, – «Где-то светлые духи плачут: «прости-прощай!», от этого душа тает как свеча, и на сердце печаль, я навеки твой, ты ничья»¹

Арис прикрыв глаза и слегка сдвинув брови слушал мелодию.

– Что это за инструменты?

Ян пожал плечами

– Барабаны, то есть ударные, а также струнные и клавишные.

– А этот высокий визжащий звук?

– Гитара, – он хорошо запомнил объяснения Инги, даже музыку ее мира здесь не получится повторить. Увидел удивленный взгляд Ариса и пояснил, – электрогитара, струнный инструмент.

Песня закончилась, и Ян потянулся выключить телефон.

– Стой! Еще одну! – Арис схватил его за руку, – как струны могут так странно звучать?

¹ Вольный перевод песни Би-2 «В ее глазах»

Заиграла та самая песня, про которую Инга говорила, что он не сможет ее слушать. Даже в негромком звучании песня была ...вызывающей.

– Ух ты, – Арис смотрел на телефон с нескрываемым восторгом, – что у него с голосом, почему он так изменяется?

– Специально так поет, – Ян прикрыл глаза слушая бешеный ритм, музыка закончилась, он нажал кнопку выключения, – все братец, концерт окончен.

Телефон мурлыкнул и погас. Ян бережно положил его в шкатулку на прикроватном столике и запер на ключ.

– Если бы не эта штука, – выдохнул Арис, – я бы решил, что камни древних изменили и перевернули твой разум.

– Камни древних вызывают безумие как у диких горгов, ты же знаешь, – пояснил Ян, – горгу мерещится всякое и он становится буйным. Я, как ты видишь, вполне способен разговаривать. Кстати, владыка Керии обрел там, в горах, венец древних.

Арис удивился.

– Правда?

– Угу, – буркнул Ян не желая дальше развивать тему, – зеленый такой с золотой перевитью, камни так же к коже прилеплены. Выглядит жутковато, если честно. Слушай, идем уже ужинать?

В дверь снова раздался стук.

– Открыто, – откликнулся Ян.

– Вы звали, эрр? – в проём сунула симпатичную мордашку служаночка. Ян тщетно попытался вспомнить как ее зовут.

– Ты новенькая? – спросил, нахмурившись.

– Я Мика, эрр, вы меня не помните? Четвертый сезон здесь служу.

Арис, хмыкнув, оценивающе оглядывал вызывающее, для прислуги, деколье. «Опять уловки отца, – с тоской подумалось Яну, – за дурака меня родитель держит. Хотя, раньше я бы повелся, и на миленькую мордочку, и на полуголую грудь. И темные кудряшки».

– Мика, скажи, что я распорядился тут прибрать, ванну отмыть, постельное белье сменить, и мои джинсы с рубашкой в стирку.

– Но постель меняли две недели назад, – несмело возразила служанка внезапно кокетливо стрельнув влажными глазками.

Ян, разглядывая пол, раздраженно выдохнул и хлопнул по колену ладонью. Девушка вздрогнула.

– Мика, скажи Гриду, что я приказал менять простыни раз в семь дней. Надеюсь, мне не придется об этом напоминать.

Он повернулся к Арису.

– Ну, идем ужинать? Что там нынче у нас?

Арис пожал плечами.

– Суп, бараньи ребра, и десерт, кажется, пирожки с тарикой.

– Отлично.

Ян спрятал ключ от шкатулки в карман джинс.

В столовой было мрачно несмотря на то, что по углам и на столе, в канделябрах, ярко горели свечи. Во главе стола возвышался Гаррарт Рош Экиста. Рядом с ним, по правую руку, чинно сложив руки на коленях, сидела мать меланхолично изучающая пустую тарелку. Поодаль, в конце стола сидела Денира. «А ведь она старше меня, – вдруг с жалостью подумал Ян, – она уже почти старая дева, даже странно, ведь завидная партия, что-то отец не торопится выдавать ее замуж».

Гаррарт, высокий, статный, с благородной сединой на висках, брезгливо скривившись, пил морс из серебряного стакана. Завидев входящих в столовую Яна и Ариса сердито стукнул стаканом о стол.

– Заставляете себя ждать.

– Извини, отец, – торопливо и даже как-то суетливо сказал Арис, – нас задержали бытовые вопросы.

Он кивнул на мокрую голову Яна. Отец качнул головой и Арис, облегченно выдохнув, сел за стол рядом с Денирой, оставив Яна стоять посреди зала, перед столом, в одиночестве.

«Пришел на милый семейный ужин, – хмыкнул про себя Ян, – сейчас отец оттопчется на мне вдоволь, при молчании всех остальных, какие-то вещи не меняются совсем»

– Мама, отец, Денира, блага роду и хорошей еды, – улыбнувшись, Ян произнес форму стандартного пожелания перед едой. На отца, впрочем, это не произвело ни малейшего впечатления.

– Почему ты в таком виде, Ярран? – спросил он, приподнявшись со своего места. Элора осторожно положила руку на рукав мужа, пытаясь успокоить.

– В каком? – Ян оглядел себя, потом вопросительно уставился на отца.

– Твоя одежда не соответствует, – отец начал медленно краснеть от гнева.

– Гаррарт, – Элора говорила очень тихо, – у мальчика повреждена рука, ему неудобно надевать обычную одежду.

– Спасибо, мама, за защиту, – Ян кивнул матери, прошел к столу и сел напротив Ариса, – но моя одежда вполне меня устраивает и рука тут не при чем. Я так одет потому, что мне удобно.

Налил морса в серебряный стакан, стоящий рядом с тарелкой, сделал пару глотков, чувствуя на себе взгляды всей семьи, от гневного отцовского, до испуганного Дениры.

Вяжущий кисловатый привкус был давно знаком, сколько Ян себя помнил, на столе в родительском доме всегда присутствовал тариковый морс-любимый напиток отца.

В ожидании, пока ему нальют тарелку супа, Ян прикрыл глаза.

Полтора сезона назад он, почти так же, стоял в этой самой комнате перед отцом. Стараясь не слишком активно выдыхать, ибо сам ощущал вокруг себя облако перегара. Накануне выдался веселый день, где он и компания таких же молодых горгов, выиграли скачки на лошадях и неплохо это отметили. Отметили так, что Ян, явившийся домой под утро, не мог стоять на ногах и Грид был вынужден укладывать его спать.

И когда Ян спустился к ужину, все еще не до конца протрезвевший, то получил основательный нагоняй.

Отец даже не потрудился вызвать Яна к себе в кабинет, он просто отчитывал его, стоящего посреди столовой, как дворового мальчишку. И объявил, что раз Ярран не в состоянии взять себя в руки, то женитьбу на Дегне Рош Истаг пока отложат, дурные манеры Яна не вызывает доверия у будущих родственников.

А он, глядя на отвратительное поведение сына принял решение и отправляет его младшим посланцем в Хистеран. Возможно тогда, «непутевый мальчишка» научится хоть за что-то нести ответственность. И если поступит хоть одна серьезная жалоба, то пусть пеняет на себя.

Кажется, сейчас история повторялась. Только Ян был трезвый. И провинность его заключалась в том, что одет он неподобающим для семейного ужина образом.

Ян приоткрыл один глаз, следя как Грид ловко разливает по тарелкам суп.

– Что за суп? – тихо, вполголоса, спросил Ян, немного повернув голову в сторону Грида.

– Барашек с зеленью, – тоже полупрошепотом проинформировал его Грид.

Ян посмотрел в тарелку, там плескался наваристый, до темного цвета, бульон и куски мяса.

– Ты опять пьян? – нахмурившись поинтересовался отец.

Конечно, откуда отцу знать, что за то время, пока Ян отсутствовал, привычки его существенно поменялись.

– Нет, отец, – с усталым вздохом ответил Ян и пояснил, – я не пью уже полный сезон как.

Он поспешил приняться за еду, чтобы избежать дальнейших разговоров, но безуспешно.

– Весьма похвально, что ты больше не пьешь, сын, – торопливо высказала своё одобрение мать.

– У-м-мгм, – Ян кивнул, прожевывая жесткий кусок мяса.

– Ты ведь будешь присутствовать на балу? – отец видимо сменил гнев на милость и задал вопрос почти вежливо.

Ян криво улыбнулся, у отца явно были на него планы, но он потакать этим планам не собирался.

– Нет.

Отец, видимо, ожидавший другого ответа гневно скривился.

Ян доел суп и подозвал Грида,

– Будь добр, принеси мне горячего, крепкого отвара. И пару кусков сахара.

– Да, эрр Ярран, – Грид подхватив поднос направился в сторону кухни.

– И почему же, позволь поинтересоваться? – отец резко отодвинул от себя тарелку.

– Жирное нельзя запивать холодным морсом, – ответил Ян.

Денира и Арис тихо захихикали, спрятавшись за тарелками как нашкодившие дети.

Отец обратил на них грозный взгляд. Брат с сестрой замолкли и съежились, стараясь казаться меньше.

«Как он умудряется столько лет занимать пост министра? – удивился про себя Ян, – будучи настолько эмоционально несдержанным».

– Ты прекрасно понял, о чем я спрашиваю! – рявкнул отец.

– Я собираюсь в Лерт, – спокойно ответил Ян, – скорее всего, останусь жить там. Неподалеку от Вастаба.

– Так и знал, что этот старый подлец задурит тебе мозги своими рассказами, – Гаррарт в сердцах хлопнул ладонью по столу, Денира и мама испуганно втянули головы в плечи от резкого звука.

– Вастаб не при чем, – Ян пожал плечами, – это я не хочу оставаться здесь.

– Полагаю, мне не надо напоминать тебе о долге перед родом, – напыщенно произнес отец, поправляя салфетку за воротником рубашки.

Ян медленно отложил нож и двузубую вилку, которой собирался есть второе, в сторону. Стараясь не дать волю эмоциям.

– Я ничего не должен роду, отец, думаю, это очевидно.

Денира охнула, мать ахнула:

– Ярран, как ты можешь?

– Могу что? – уточнил он.

– Так говорить! – возмущенно воскликнула она.

– Я откупился от рода наследством и своим, заметь, мама, немаленьким личным состоянием, – Ян повторил почти слово в слово то, что говорил Арису на лестнице, – я теперь никому ничем не обязан. Считаю, что это очевидно.

– Тогда не понимаю, какого акуса ты делаешь здесь? – раздраженно рявкнул Гаррарт.

– Сам удивляюсь, – огрызнулся Ян, – я не просил патруль тащить меня сюда.

– Подожди, Гаррарт, а как же бал? – мать погладила отца по рукаву, – столько планов.

– Кстати, о планах, – Ян наконец-то нашел в себе силы открыто посмотреть на отца, глаза-в-глаза, – я знаю, что вы затеяли этот бал ради того, чтобы представить мне Дегну Рош Истаг. Так вот, чтобы избежать скандальных ситуаций сразу поясняю, я не собираюсь на ней жениться. Ни на ней, ни на ком-нибудь еще. Кого вы там мне приготовили.

Ян встал из-за стола и направился к выходу.

– Изгону, – прохрипел вслед отец.

Ян пожал плечами:

– Поступай как считаешь нужным, – и не оборачиваясь вышел из столовой.

Собранные рюкзаки, стоящие за кроватью, задорно поблескивали в свете свечей отполированными медными пряжками-защелками, Инга назвала их странно звучащим словом «фастексы». Манили, поторапливали в дорогу.

Ян поморщился, свечное освещение раздражало, казалось отталкивающе тусклым, хотелось выйти в коридор, зайти обратно и чтоб комнату залил яркий и ровный свет, как на станции. Всего пара дней с хорошим освещением и на тебе, уже привычка. Ян, сощурившись, поставил подсвечник повыше, на умывальный столик. Светлее не стало, только по углам замечались длинные уродливые тени.

После скандального ужина едва – ли прошло больше полутора кругов. А все вещи были собраны и готовы. Ян присев на край кровати посмотрел в окно, Ночная Гостья была полностью в своем праве.

Лететь в темноту не хотелось, значит, придется ночевать где-нибудь на постоялом дворе. Он проверил кошельки с деньгами. Часть рассовал по карманам.

Отпавшие камни сослужили хорошую службу, Ян бессовестно, невзирая на запрет распространения вещей древних, естественно нелегально, продал их местным магам, собрав неплохого размера сундучок с золотыми.

– Да здравствует финансовая независимость, – хмыкнул, раскладывая содержимое сундучка по дополнительным кошелькам и убирая их в рюкзаки.

Он дернул шнур звонка и сев на стул у умывальника принялся ждать. Вскоре за дверью раздались торопливые шаги и осторожный стук.

– Да, – откликнулся Ян, вспоминая, не забыл ли он упаковать что-нибудь важное.

«Впору писать списки, – подумал он, прогоняя накатившую некстати горечь, – и отмечать сделанное галочками»

В комнату вошел Грид.

– Вы звали, эрр?

– Да, Грид. Подними конюха, пусть седлают мне Ворона прямо сейчас.

Ворон – черный огромный жеребец с шелковой шкурой и великолепной статью был с характером, но Ян его объездил, переупрямил. Еще тогда. В прошлой жизни.

– Эрру нужны сопровождающие? – уточнил Грид.

– Да, я переночую в «Крыле Кира», а потом полечу в Лерт. Мне нужно, чтоб Ворона от «Крыла Кира» доставили сюда в конюшню. А затем переправили в Лерт к Вастабу.

– О Вечность, что я слышу! – в коридоре раздался возмущенный голос матери, – неужели мой старший сын, как бродяга, ночевать на постоялом дворе?

Она застыла на пороге, с интересом оглядывая комнату, ожидая пока Ян пригласит ее войти.

– И тебе доброго вечера, мама, – Ян встал со стула и склонив голову в легком поклоне, протянул руку в приглашающем жесте, – в «Крыле Кира» останавливаются вполне уважаемые люди.

– Но почему ты не останешься, здесь, дома? – она подошла и заглянула Яну в глаза.

– Наверное потому, что отец велел мне убираться, – усмехнулся Ян.

– Грид, – интонации матери враз сменились на повелительные, – пойди пока, мы тебя позовем, когда понадобится.

Дворецкий поклонился и быстро исчез из поля зрения.

«Семейные проблемы при слугах не обсуждаются, – усмехнулся Ян, – все равно, что слуги давным-давно в курсе».

– Присаживайся, пожалуйста, – Ян указал рукой на кресло. Сам же он сел на стул и приготовился внимательно выслушивать мать.

Она с изяществом присела на самый край кресла, расправила юбки и с укором посмотрела на Яна.

– Ты же знаешь, что твой отец бывает несдержан.

– Конечно, знаю, – не удержался от сарказма Ян, – и как он столько лет на должности министра иностранных дел продержался, будучи таким вспылчивым и несдержанным?

Элора сердито поджала губы и вздохнула, всем видом показывая, как огорчена поведением сына.

– Он не со зла и совсем не хотел, чтоб ты уходил.

– А чего же он хотел? – поинтересовался Ян.

Тактика кнута и пряника была применяема родителями давно, Ян много раз прокручивал у себя в голове, удивляясь, как же родителям удавалось заставить своих чад поступать иногда совсем против воли.

Сначала отец отчитывал и раздавал наказания, затем являлась мать и сообщала родительскую волю непокорному чаду. Чадо от радости, что наказания не будет, или будет, но смягченное, облегченно вздыхало и кидалось выполнять волю родителей.

Представление раз от раза разыгрывалось словно по нотам.

– Я настоятельно прошу тебя остаться до зимнего бала, – убеждающих ноток в её голосе стало больше, – это всего лишь месяц и несколько дней. Приглашения уже разосланы и отменить праздник невозможно. Иначе будет скандал. Пострадает репутация семьи, а ты хоть и был изгнан, но все-таки из рода РошЭкита.

Она поднялась с кресла.

– Хорошо мама, я задержусь здесь до бала, как ты просишь, – устало согласился Ян. Спорить с матерью не хотелось, потому что, Ян помнил это по предыдущему опыту, последовали бы настойчивые уговоры. С неоспоримыми доводами и вескими причинами.

Элора довольно кивнула головой и выплыла из комнаты.

«Родители явно что-то задумали, чтож, посмотрим-посмотрим, – Ян озадаченно почесал макушку, – надо бы продумать пути к отступлению»

Глава 2

Вспышка света. Незнакомые голоса что-то говорящие. Я спрашиваю кто они, сначала по-русски, потом по-английски.

Мне отвечают, но я не понимаю что. Спрашиваю по-немецки. Единственное, что я помню из фильмов: «Шпрехен зи дойч? Шнелле!». Явь и сон сплетаются в невероятный клубок.

– На каких языках она говорит? – шепчет женский голос.

– Не знаю, – так же шепотом отвечает ей мужской, – надо доложить владыке.

Темнота.

– Надо уменьшить порцию зелья, – сердито выговаривал голос, – она говорит на своем языке и не понимает хотя бы имперского. А мне нужны ее знания, очень. И она сама. В сознании.

Второй голос дребезжал как крышка на закипающем чайнике:

– Поймите, Владыка, подбор дозы весьма сложен. А она, вдобавок ко всему, постоянно теряет вес, если я дам меньше зелья, чем нужно, она может вспомнить все, – он вдруг замолчал словно наткнувшись на что-то и торопливо добавил, – но я, конечно, постараюсь подобрать.

Я открывала глаза, как бы выныривая из темноты, и видела край окна с темной, вроде бы коричневой, шторой. Она была подвязана толстым золотым шнуром. Темнота наступала снова, подкрадывалась, гася лучики света на потолке. Медленно, приглушенно, как из-под толщи воды до меня доносились звуки. Кто-то гладил меня по голове и ласково просил:

– Милая, не мечись так, я знаю, что тебе больно. Не плачь. Прошу, потерпи немного.

Я, не открывая глаз, чувствовала как меня приподнимают, льют какую-то сладкую жидкость в рот и снова проваливалась в темноту.

Иногда становилось нестерпимо жарко и от этого было еще больше больно. Я дергала ногами стараясь отодвинуть источник тепла подальше.

– Поешь, милая, – просил тот же голос, – немножко. Тебе нужно набраться сил и выздороветь.

Я отворачивалась, мою голову осторожно поворачивали в нужную сторону и вливали что – то остро пахнущее и соленое. Я отплевывалась. Жидкость была ужасно противной.

Голос рассказывал, что в этом году на удивление теплая осень и в саду огромный урожай яблок и сладких груш. Что я должна обязательно попробовать хоть одну. Иногда он пел, напевал что – то непонятное мне, длинное и заунывное, потом тихо смеялся и говорил, что это его колыбельная для меня, жаль, что я его не слышу. Но я слышала. И снова рассказывал про сад, про цветы, которые спрячутся потому, что скоро придет зима. Про фонтаны. Про птиц, которые поют о любви сидя на фруктовых деревьях. Рассказывал о ягодах атраа – ягодах любви. Когда двое счастливы, они кормят друг друга этими ягодами и целуются, говорил мне голос. Иногда голос был сердитым, он тихо ругался на какой-то совет, говорил, что лучше знает, но не слушать совет нельзя.

Мне нравился этот низкий с хрипотцой голос. Потому, что хоть немного, но он отгонял боль. Боль была постоянной, не острой, но сильной, выматывающей. Болел живот, болели ноги, почему-то в районе колен, болела спина и шея. Я открывала глаза, смотрела на странный потолок, откуда – то я знала, что правильный потолок белого цвета. А этот был неправильным: не белым. Разрисованным и позолоченным.

Потом уставала от боли, снова закрывала глаза проваливаясь в никуда, там, в теплой темноте было не больно.

Однажды мне стало холодно, так сильно холодно, как будто меня положили в ледяную воду. Я поняла, что умираю.

– Я умираю, – сказала я голосу, – жаль.

Голос возразил:

– Как ты можешь умереть, ведь ты такая сильная, и столько времени боролась. И я обещал, что не дам тебе умереть.

– Не, слабая, – возразила я, выдохнула последний воздух из легких, а вдохнуть сил уже не было.

– Не смей! – закричал на меня голос, – дыши! Инга! Инга, прошу тебя!

Все верно, мысленно согласилась я с голосом. Инга это я.

Меня тряхнуло, боль снова ожила, обрадовалась, прострелила все тело сверху донизу. Я вдохнула и открыла глаза.

– Были бы у меня силы, я бы тебе врезала, – прошептала я, глядя в бирюзовые глаза моего собеседника.

Он осторожно опустил меня в подушки, нашарил под одеялом мою руку поднял к своим губам и нежно ее поцеловал.

– Ты очнулась, я рад.

Лицо и голос казались знакомыми. Но сколько я не пыталась сообразить, кто этот красивый мужчина, заботливо поглаживающий меня по руке, так и не могла. Вспомнить не получалось. В голове было пусто как в хорошо отчищенной кастрюле.

– Кто вы? – поинтересовалась я, все так же шепотом, говорить в полный голос сил не было.

– Ты меня не помнишь? – в тоне моего собеседника проскользнули довольные нотки, он с кошачьей грацией растянулся рядом со мной поверх одеяла.

Я отрицательно качнула головой.

– Мы собирались пожениться, милая. А потом ты поехала кататься на лошади и упала.

Пошарилась по закоулкам своей памяти, ничего, пусто.

– Кто такие лошади? – уточнила на всякий случай.

Мой собеседник растерялся,

– Это ...это животные, на четырех ногах, на них ездят верхом или запрягают в повозки, в телеги. Милая, а ты хоть что-нибудь помнишь?

Я, прикусив губу, сосредоточилась анализируя, что же я помню.

– Меня зовут Инга, – неуверенно выжала я, и он радостно закивал, – это вы мне сказали, когда кричали, чтоб я дышала.

Улыбка сползла с его лица.

– Я устала, – сказала я красивому мужчине и закрыла глаза,

– Ох, милая, – услышала я, перед тем как провалиться в темноту.

В другой раз меня из темноты вынул громкий шепот:

– Он притащил эту дрянь неизвестно откуда, Лоят! И объявляет это... ЭТО своей невестой?! Жениться собрался вот на этой бледной немочи? За все время пока она здесь она даже не очнулась! – Я приоткрыла один глаз и стала наблюдать сквозь ресницы. У двери в комнату стояла высокая девушка, с золотистыми локонами забранными в красивую прическу с заколками из драгоценных камней. «А-ме-тист» вспомнила я название, но здесь их называют как-то иначе. Камни сверкали в лучах солнца падающих через окно. Платье на девушке было из многих слоев тонкой струящейся ткани. Так и хотелось дотянуться рукой и потрогать это нежное цветное великолепие. Рядом с девушкой стояла еще одна, одетая не так ярко и красиво, и без украшений.

Яркая девушка тем временем продолжила:

– И я надеюсь, что она не очнется, Лоят. Зайди ко мне вечером я дам тебе кое-что.

– Да эрра Эдея, – вторая девушка покорно склонила голову и чуть улыбнулась.

Эрра Эдея величественно выплыла из комнаты. Оставшаяся в комнате Лоет опасливо глянула в мою сторону. Из-за подушек ей не было видно мое лицо. И достав из кармана пузырек, стала капать в кувшин с водой, зеленоватого цвета капли. Я прикрыла глаза.

«Если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано "Яд!", то почти наверняка, тебе не поздоровится» вдруг всплыла в памяти странная фраза.

Нужно будет спросить у того красивого мужчины, когда он придет, что такое «яд». Я снова закрыла глаза.

В следующий раз, когда темнота закончилась, передо мной замаячило заботливое, мило-видное личико с изящной кружевной наколочкой по темным волосам. Ее имя Лоет. Это я помнила.

Край чашки ткнулся мне в губы, я сжала их и мотнула головой.

– Вам нужно это выпить, не упрямитесь, – Лоет настойчиво покачала чашку прижимая к моим губам, – прошу вас, эрра.

Я опять мотнула головой, не разжимая губ. Она капала что-то в кувшин. Я помню.

Я рукой отодвинула чашку от своего лица, и половина содержимого выплеснулась на одеяло.

– Ох, эрра что вы наделали, – запричитала она, – теперь придется менять постель.

– Хочу в сад, – прошептала я, – там воздух и яблоки.

– Но, эрра, – возразила Лоет, – вам нельзя вставать, вы еще больны.

– Хочу, – я капризно ударила рукой по одеялу.

– Как обстоят дела, Лоет? – в комнату вошел тот мужчина.

– Хочу в сад, смотреть на яблоки, – упрямо повторила я глядя на него, – хочу! Там воздух.

– Милая, ты недостаточно хорошо себя чувствуешь, – он взял меня за руку, – что тут произошло, почему постель мокрая?

– Я толкнула Лоет, – призналась я, – не хотела пить. Слишком резко отказалась, так получилось. Я все равно хочу в сад. Хотя бы пока она меняет постель.

Я осторожно сползла с кровати, если не делать резких движений, то вполне терпимо, боль спряталась где-то внутри и выжидала подходящего момента. На стене висело большое, в полный рост, зеркало. В нем отражалась, как раз, как сказала эрра Эдея, «бледная немочь». Ночная рубашка до пола с длинными рукавами, серые волосы похожие на мочалку. Заостренные черты лица, острый, немного длинный нос, небольшой рот с плотно сжатыми бесцветными губами.

Я сделала шаг к зеркалу стараясь рассмотреть незнакомую женщину в нем в подробностях.

– Милая, нет, – мужчина подхватил меня под руку, – раз уж ты встала, давай я отнесу тебя в кресло.

– К зеркалу сначала, – я осторожно шагнула в нужном направлении, – я хочу на себя посмотреть.

– Женщины! – с чувством произнес мужчина, помогая мне добраться к намеченной цели. «Синдром самурая», услужливо подкинул мне мозг определение моего поведения. Что бы это ни значило, я была уверена, что это оно самое и есть.

Я разглядывала свое лицо, странные серые глаза, не такие как у мужчины. Чуть более темные, чем волосы, брови и ресницы. Наверное, будь я здорова, то выглядела бы даже красивой.

– У меня глаза не такие яркие как у вас, – вынесла вердикт я, – и уши тоже другие. Почему?

Как мне показалось, мужчина немного помедлил, прежде чем ответить

– Ты просто немного другая, не алорнка.

– Не алорнка, – повторила я и подняла руку к лицу, на левом плече вдоль спины почувствовалось что-то чужеродное, болезненное. Я, распустив шнуровку у шеи, скинула рубашку и

повернулась спиной к зеркалу, разглядывая длинный, толстый, шрам, спускающийся по спине вниз, от левого плеча до бедра.

Лует за моей спиной охнула и бросилась поднимать рубашку приговаривая:

– Эрра, вы как несмышленое дитя. Нельзя же так.

Мужчина растерянно кашлянул и повернулся к окну.

– Гадость какая, – я провела пальцами по рубцу отчего кожа болезненно натянулась, – это все лошадь?

– Да, – хрипло сказал мужчина, все так же глядя в окно, – это все лошадь, милая, мне очень жаль.

– Почему он такой уродливый, я на арматуру налетела? – память выдала очередной финт. Слово «арматура» я сказала, а что оно значит не помнила.

Мужчина снова откашлялся.

– Ты долго была без помощи, прежде чем тебя нашли, потеряла много крови. Когда тебя привезли сюда, лекарь попытался сшить рану, но не получалось, края рвались. Заражение было.

– И сколько я провела в беспомощности?

– Больше пятидесяти дней.

Пятьдесят дней это много, даже слишком. Я же куда-то торопилась. Только вот куда? Я нахмурила брови тщетно пытаюсь что-то вспомнить.

Лует, тем временем надела на меня рубашку, и закутала сверху пушистой белой шалью.

– Все-таки я хочу в сад, покажи мне, как туда пройти, – я стараюсь не шататься, шагнула к двери, – хочу увидеть яблоки и фонтаны.

Губы мужчины дернулись в намеке на улыбку.

– Хорошо, раз ты так настаиваешь, – он повернулся к служанке, – Лует, распорядись, пусть принесут кресло и подушки в малую беседку. Если меня будут искать, то я там с моей невестой.

Он подхватил меня на руки и попросил.

– Обними меня за шею. Пожалуйста.

Я сцепила руки в замок за его головой и уткнулась носом в мускулистую шею.

От него пахло чем-то сладким и свежим: медом, цветами, чуть-чуть ванилью, яблоками, вкусный, но неправильный запах.

– От тебя пахнет, – сообщила я, – как в гробу уважаемого человека.

– Что? – мужчина споткнулся.

– Цветами от тебя пахнет, – пояснила я, – и яблоками.

Ответом мне была теплая улыбка.

Он довольно долго шел, несколько раз спускаясь по длинным лестницам.

Двери перед нами услужливо распахивал человек, торопливо идущий впереди и бесконечное число раз оглядывающийся на нас, одетый в странный зеленый пиджак и белые обтягивающие брюки.

Встречающиеся нам в коридорах алорнцы с любопытством разглядывали мужчину и его ношу, то есть меня.

– Кто это? – спросила я после очередной услужливо открытой двери.

– Слуга, милая.

– А те люди, которых мы видели, тоже слуги?

– Не все.

– Они тут живут?

– Некоторые, – отрывисто ответил он.

Мужчине было тяжело, хотя он не показывал виду, на висках проступал мелким бисером пот.

– Отпусти, я хочу пойти ногами, немного, – попросила я. Надо все-таки облегчить ему задачу, то есть ношу, пусть отдохнет немного.

– Уверена? – он с тревогой посмотрел мне в глаза.

– Да.

Он осторожно опустил меня на пол из блестящего белого камня с золотыми искорками. Ноги моментально заледенели, но я упрямо шагнула один шаг, другой, третий.

У окна стояли две, очень красивые, пестро одетые женщины, они с любопытством рассматривали нас, о чем-то очень тихо переговариваясь.

– Что это за место? – я чуть приподняла рубашку, чтоб не запнуться о длинный подол.

– Холл дворца Владыки Алорны, – он перевел взгляд на мои ноги, – вечность, ты же босая, как же так.

Он шагнул ко мне снова собираясь подхватить на руки.

– А ты, тоже слуга? – я, отодвинув его рукой, прошла еще пару шагов.

– Нет, – спокойно ответил мужчина, – я Владыка Алорны.

– А, – поняла я, – так это твой дом.

– Тебе не нравится? – он снова подхватил меня на руки.

– Народу много, и все смотрят, неловко, – пожаловалась, прижимаясь к нему ближе.

– Ничего. В саду сейчас нет никого, думаю, немного солнца пойдет тебе на пользу, чтобы не говорил Агараф. Это лекарь, – пояснил он в ответ на мой вопросительный взгляд.

– Лекарь – лечит?

– Да.

– Меня тоже?

Мужчина вздохнул

– Да, милая, тебя тоже.

Он спустился по ступенькам на яркую, изумрудного цвета лужайку.

– Гадость какая, – непроизвольно вырвалось у меня. Где-то я уже видела подобную пастораль. Идеальная лужайка и белые дорожки. Голова закружилась.

– Почему гадость? – удивился мужчина.

– Она идеальная, – объяснила я, – и дорожки тут из белых камушков.

– А должны быть из чего?

Я посмотрела на здание из которого мы вышли. Дом отвращения не вызывал, весь белый, воздушный.

– К дому подходят, тоже белые.

Мужчина озадаченно нахмурился. Да не удивляйся, мне и самой не понятно, почему лужайка вдруг стала «гадостью». Попробуй объясни ассоциативный ряд, где есть зеленая лужайка, белые дорожки и серый мрачный дом. И такое сочетание кажется мне опасным.

– Ты хотела посмотреть на яблоки? Вот яблоневый сад.

Мужчина занес меня в беседку увитую зелеными листьями. Там стояла небольшая софа с большим количеством подушек разнообразной формы и кресло, с пуфиком под ноги.

– А груши где? – спросила я, оглядываясь.

Мужчина указал рукой в сторону.

На стеклянном столике стояла ваза с разноцветными фруктами.

– Ты устал.

Красивые губы изогнулись в улыбке.

– Немного.

Я хлопнула ладонью по софе.

– Присаживайся рядышком, отдохнешь.

Он опасливо покосился на софу, но рядом все-таки сел. Взял зеленую ягоду с блюда.

– Это атраа? – спросила я, вспомнив, как он мне рассказывал о них.

- Да, – он поспешно прожевал, – сейчас осень, как раз собирают.
- А нам обязательно целоваться когда мы их едим? Или можно просто их есть? – уточнила

я.

Целоваться не хотелось, а вот голод ощущала вполне приличный.

Мужчина закашлялся.

- Можно просто есть, конечно, – в перерывах между кашлем сказал он.
- Бедный мой, – я похлопала его по спине, – а мы уже их ели, ну, с поцелуями?
- Нет, – сдавленно прошипел он, кончики острых ушей покраснели.

Я удивилась.

– А почему? Раз я ваша невеста, мы же наверняка уже ели эти ягоды.

Он налил в стакан воды из кувшина, отпил. Отдышался.

– Да как-то... не сложилось.

– Ну, – неуверенно предложила я, – я, конечно, кушать больше хочу, чем целоваться, но мы можем сейчас попробовать.

– Давай лучше тебя накормим, – улыбнулся он, слегка сдвигаясь к краю софы.

– Ну, спасибо, – я уткнулась носом ему в плечо.

– За что?

– За заботу.

Я, дурачась, прошлась пальцами по его ребрам, он охнул и удивленно уставился на меня.

– Ты чего?

– Извини, – я снова прошлась по его ребрам, – не знала, что ты такой недотрога.

Он сдвинулся снова, едва не свалившись с софы.

– Мне нельзя тебя трогать? – уточнила я, – тебе это неприятно?

– Можно, – он повернулся ко мне, – просто я не совсем понимаю, что ты делаешь.

– Заигрываю, – хитро улыбаясь пояснила я, обняв и прижавшись к его спине грудью.

Нет, все-таки что-то тут не то. Чего он от моих прикосновений так шарахается? Чуть с софы задом на пол не свалился.

– Я хотела тебя спросить, – я потерлась щекой о его плечо и легонько подула на шею. В ответ на мои действия по золотистой коже поши мурашки

– Спрашивай, – я чувствовала, как под моими прикосновениями напрягаются, каменеют мышцы на его спине.

– Что такое яд?

Он вздрогнул и стремительно повернулся ко мне. Пришлось отсесть на некоторое расстояние.

– Где ты это услышала?

– Я видела как Лоят добавляет в кувшин с водой зеленые капли, и вспомнила странную фразу: «Если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано "Яд!", то почти наверняка, тебе не поздоровится»

– Что ты видела?! – он подскочил на ноги.

– Думаю, ей эрра Эдея дала пузырек.

Он шумно вдохнул-выдохнул, сжимая кулаки. Я на всякий случай отодвинулась подальше, мой маневр от него не ускользнул и он, разжав руки, улыбнулся и показал мне раскрытые ладони, сел обратно.

– Милая, ты что, напугалась? Расскажи мне подробно, если, конечно, хорошо помнишь, – мягко попросил он.

Я пересказала ему про визит эрры Эдеи в подробностях, вплоть до того, где та стояла, пока была у меня в комнате.

– Вот вы где! – сбоку от беседки раздался веселый голос и по ступенькам поднялся золотоволосый и синеглазый мужчина, статный, с золотистой кожей, – рад видеть вас здоровой, Ингарра.

Я молча кивнула, рассматривая его. «Имириэль, костер, отвар» услужливо подкинул мозг очередной ассоциативный ряд. Так. И что я делала с Имириэлем и отваром у костра?

«Чистый ангел, крылышек только нет», – хмыкнул внутри меня невесть откуда взявшийся внутренний голос. Вот и еще один вопрос, что значит «ангел»?

Пока мужчины здоровались, я озадаченно потерла лоб. Откуда все-таки берутся все эти странные слова и стоит ли спрашивать об этом владыку.

Тем временем, они отошли в угол беседки и тихо там шептались. Изредка оттуда доносились приглушенные возмущенные восклицания то одного, то другого.

Я улеглась на подушки и, тихо напевая, кажется, знакомую мелодию, разглядывала бегущие по небу облака.

– Милая, – оторвал меня от созерцания воздушных замков владыка Алорны, – расскажи, пожалуйста, Имириэлю, то, что ты видела и слышала у себя в комнате.

Я слово в слово повторила рассказанное владыке и снова плюхнулась на софу рассматривать облака.

– Вот это да, – Имириэль присел на кресло, – Лоят надо убирать оттуда.

– Может все-таки последить? – неуверенно предложил владыка

– Дождаться пока она Ингарру отравит? – прошептал Имириэль.

– Новую тоже могут купить или заставить, – так же, шепотом, возразил владыка.

У меня в голове крутилась все та же мелодия и я, уже не особо прислушиваясь к их разговору, стала напевать, пытаюсь вспомнить слова, хотя бы припева.

«Жили-были мы на краю, с нами был теплый июль ... с тобой играли в жизнь ... это песня простая» Увлечшись, закинула ногу на ногу и стала похлопывать руками по колену, отбивая ритм. «Во дворе чтоб играли пацаны на гитаре».

В паузе между словами уловила тишину и повернувшись увидела, что эти двое во все глаза смотрят на меня.

Я смутилась

– Извините, я кажется, помешала вам разговаривать.

Имириэль расплылся в улыбке и пересел на край софы.

– Что вы, эрра, вы так мило...кхм. . . пели. И мелодия приятная, переведете?

Он осторожным жестом поправил подол моей рубашки вниз.

Я, открыв рот, посмотрела на Владыку, а потом на Имириэля. До меня дошло, что пела я на своем родном русском, а тут разговаривают совсем на другом языке. И я его неплохо знаю.

– ...изображали жизнь, мы с тобой играли в жизнь, которой будем жить, – слегка запинаясь перевела я.

Владыка смотрел на меня внезапно потемневшими, будто наполненными непонятной болью, глазами. Имириэль сидел с отвисшей челюстью. И чего это они вдруг? Я снова смутилась и отвернувшись, сосредоточилась на облаках, они спокойно плыли по небу и им не было до нас никакого дела.

Глава 3

С утра пораньше, оседлав Ворона, Ян отправился к магу. Эрр Дарис РошСайнар был высок ростом, тощ, молод, кажется, младше Яна, энергичен и полон идей.

– А, эрр РошЭкита, – поприветствовал он входящего в лавку Яна, – вы ко мне по делу?

– По делу, уважаемый Сайнар, по делу, – усмехнулся Ян и положил на стол мага кроссовки Инги, – мне нужна копия этой обуви, подогнанная на мою ногу.

– Уважаемый, уж не спутали вы меня с сапожником? – Сайнар наклонился над столом разглядывая кроссовки и замер, – это что, обувь? – он взял кроссовок и покрутил его в руках.

– Да, обувь.

– И вам нужна копия?

– Да, – Ян положил на стол кошелек с заранее отмерянным количеством монет, – мне нужна точная копия, но как вы видите, они слишком маленькие, мне нужны такие же, но на мою ногу.

– Даааа, – задумчиво протянул Сайнар, – сапожник тут точно не справится. Удивительно легкие ботиночки. Из чего они сделаны?

Ян растерянно посмотрел на мага

– Я знаю, что материалы искусственного происхождения, но точно сказать из чего, не могу, – он ткнул пальцем в носок, – вот это кожа.

– Да, я вижу, – Сайнар подошел к окну стараясь рассмотреть кроссовок, – шнурки скользкие, сетка сверху похожа на шелк, но это не он. А подметка из чего?

– Не пытайтесь угадать, – огорченно вздохнул Ян, – таких материалов у нас в Росакаре, увы, нет. Где взять не знаю.

– Видите-ли в чем дело, эрр Экита, – маг потер длинный нос заляпанными чернилами пальцами, от которых на его лице тут же остались синие следы, – для того, чтобы воссоздать подобное, мне нужен хотя бы исходный материал, из которого они сделаны. Для того, чтобы воссоздать шелк мне нужен хотя бы шелкопряд с его слюной в брюшке, понимаете?

– Да, конечно, эрр Сайнар, понимаю, – Ян со вздохом сгреб кроссовки в мешок, и потянулся за кошельком.

– Подождите! – воскликнул Сайнар, – я, я могу попытаться найти вам исходные материалы.

– Каким образом? – Ян заинтересованно рассматривал мага.

– Я могу на карте указать их местоположение, – Сайнар снова потер нос, – но расстояние может быть огромным.

– Валяйте, – Ян снова сел за стол.

Сайнар достал откуда-то из глубин шкафа с дверцами темного дерева, потрепанную, но достаточно точную, карту Росакара. Взял стеклянную колбу с прозрачной жидкостью, опалесцирующую синим.

Ян с интересом наблюдал как маг что-то бормочет, тыкает колбой в кроссовки, отчего жидкость поменяла цвет на ядовито-желтый, напоминая камни древних, а затем начинает водить колбой по карте. Вдоль границы черных болот колба начала, с небольшими промежутками, светиться ярко-зеленым светом.

– Простите, эрр Экита, – разочарованно выдохнул маг, – кажется, мой поиск не увенчался успехом.

– Твоя колба может указать точное место?

– Нет, – огорченно помотал головой Сайнар, – видите? Идет серия вспышек по всему краю черной топи.

Ян со всего маху хлопнул себя ладонью по лбу, Инга говорила, что вещество, из которого в ее мире делают очень много вещей – нефть – «черное золото». Вот только, делают ли из него обувь? В любом случае, не проверив не понять. И точно ли жижа из черной топи – это то же вещество.

– Я вернусь через два часа, – Ян кинулся к двери прихватив кроссовки со стола.

– Я с вами, эрр Экита! – подскочил маг, поправляя камзол, – вы, ведь собрались к черной топи лететь, верно?

– Идемте, – Ян покрутился, определяя откуда лучше и ближе отправиться к черным топям, – я думаю, лучше лететь от закатных ворот, и возьмите с собой емкость.

Маг уже гремел чем-то в кладовой.

Из-за императорского дворца полеты над столицей Росакара были запрещены, на городских стенах постоянно дежурили стражники с баллистами и арбалетами. Взлетать можно было исключительно за городскими стенами.

Ян, не спеша, направился к закатным воротам, ожидая пока Сайнар его догонит. Вежливо раскланялся с парой встречных знакомых.

Через некоторое время Яна бегом догнал маг, несмотря на теплую погоду, он надел плащ. В руках мага была сумка, приличная бухта веревки и жестяное ведро.

– По черной топи ходить нельзя, – кивнул он на веревку, – утонуть легко.

– Мой конь остался у вашей коновязи, – Ян обеспокоенно оглянулся в ту сторону где находился дом мага.

Сайнар махнул рукой.

– Она зачарована так, что либо хозяин, либо я могу отвязать от нее лошадь, вода там есть, сена тоже достаточно, не беспокойтесь. Скажите, эрр Экита, а зачем вам понадобилась такая странная обувь, еще и цвета, уж простите, очень странного?

Ян хмыкнул.

– Да мне бегать по залу в сапогах неудобно, а у этой обуви, как мне пояснила, – Ян сбился, решив не говорить, что обувь женская, – пояснил ее хозяин, она предназначена специально для бега. Вот, хочу испробовать.

– Бегать? – уточнил Сайнар.

Ян перепрыгнул лежащую на дороге грудку мусора, поскользнулся и, с трудом удержав равновесие, пояснил.

– Я занимаюсь в фехтовальном зале, и в сапогах это делать крайне неудобно, они скользят по деревянному полу. А гвозди подметки еще и царапают доски, при падении потом все руки в занозах. А босиком фехтовать это вообще из ряда вон.

– Ах вот как, конечно, фехтование, – Сайнар понимающе покивал головой.

Миновав ворота, они вышли на подходящую для взлета поляну. Ян зашел в кусты, снял одежду, камни древних при частичном преобразении оставались поверх чешуи, и он не собирався показывать их постороннему. Из кустов он вышел уже в виде дракона, набросив на шею сумку с одеждой.

– Ну, что? – из других кустов высунул нос небольшой горг с болотно зеленой чешуей, – ого, а я слышал, что цвета Экита синие.

– Как видите, не у всех, -недовольно проронил Ян, не объяснять же каждому встречному, что цвет чешуи у него изменился после визита к древним.

Он расправил крылья, и потянулся, проверяя не тянет ли шрам. Тот серебряным кольцом вился по крылу, тянул, но не сильно.

«Как печать» – усмехнулся Ян

– Полетели? – зеленый горг, неуклюже подпрыгнув, замахал крыльями набирая высоту. Ведро на его шее жалобно звякнуло.

«Интересно, я с земли выгляжу так же нелепо? – подумал Ян, – да и выдержит ли этот задохлик такую долгую дорогу?»

Ян подождал пока Сайнар отлетит подальше, взмахнул крыльями и догнал зеленого за несколько взмахов. Дорога обещала превратиться в нечто занудное и длинное. Ян поморщился, взмахнул раз крыльями набирая высоту и планируя последовал за зеленым. Тот пыхтел, отдувался, но упрямо двигался вперед.

Через два круга, они наконец-то добрались до места, никогда еще полет не казался Яну таким долгим. Лететь вслед за медленным Сайнаром ему очень не понравилось.

Небольшой белый островок посреди черной топи казался чем-то чужеродным. Они приземлились на него по очереди, для двух людей на островке места было достаточно. Два горга не поместятся тут даже в самом крайнем случае.

– Ну и запах здесь, – Ян оглянулся, кругом расстилались поля жижи из песка и черной маслянистой жидкости. Поверхность топи казалась лаковой, – где черпать будем, эрр Сайнар? Сайнар закрутил головой почесывая нос и ткнул узловатым пальцем в сторону.

– Вот там, эрр Экита, видите? Вроде бы яма.

– И как вы это определили? – Ян старался разглядеть указанную «яму».

Сайнар опять поднес палец к носу. Ян еле сдержался, чтоб не скорчить морду.

– Там жидкость более активно движется, – пояснил маг, – видите, по краям ямы пена.

– Да, – Ян скинул сумку с одеждой на землю, – позвольте ведро и веревку. Хотя нет, давайте разрежем ее напополам. К одной части привяжем ведро, а другую часть оставим как страховку. Сдвиньтесь в сторонку, я перекинусь.

Он прикрыл глаза, ощущая, как на лице и пальцах начинает формироваться чешуя, а за спиной разворачиваются крылья.

Протянув лапу, он ждал, пока Сайнар привяжет к ней веревку. Прихватив одним когтем ведро взлетел и попытался зависнуть над ямой. Получалось плохо. Размах крыльев был велик и взмахивать ими приходилось осторожно, чтобы не задеть смолу и не увязнуть в ней.

«Бабочка переросток, давай, собирай нектар, белые тапочки из ниоткуда не возьмутся», – приказал себе Ян.

С третьей попытки ведро утонуло в черной густой жиже полностью, и Ян стал набирать высоту чиркнув краем крыла по лаковой поверхности песка.

– Едва не влип, – сообщил он, приземляясь на островок и возвращая себе человеческий облик, – ну и жижа. И ведро все в ней, – Ян мазнул пальцем по боку посуды, растер между двумя пальцами черную маслянистую субстанцию, – крышки-то у вас для ведра, конечно, нет, эрр Сайнар?

Сайнар обиженно посопел, пошарился в недрах сумки с одеждой и достал кожаный мешок для ведра. Из тех, что крепятся к седлу лошади, для перевозки воды.

– Беру свои слова назад, уважаемый Сайнар, – посмеиваясь сказал Ян, – восхищен вашей предусмотрительностью.

– Мне и самому очень любопытно, что же выйдет в итоге, – Сайнар сверкнул улыбкой и снова потер нос.

Обратная дорога заняла еще больше времени. Ведро нес Ян, осторожно, стараясь не расплескать. Сайнар летел сзади, явно выдохшись от большой нагрузки и все больше отставая.

Да дома Сайнара добрались уже после обеда, ближе к вечеру.

– Пожалуй уже поздно, – попытался раскланяться с магом, Ян, – я к вам зайду завтра. И мы продолжим.

Маг, казалось, выглядел разочарованным.

– Как, а сделать обувь?

Ян заулыбался.

– Хотите сказать, что после такого перелета, в силах творить магию?

– А, так вы пытаетесь быть вежливым? – Сайнар хохотнул, – мне очень любопытно что получится. Потому, давайте приступим.

Он выставил на стол в лаборатории кроссовки, поставил рядом ведро, подумал, положил сверху кожаные перчатки, и достал из шкафа колбу, на этот раз с темно бордовой жидкостью. Задумчиво потер нос, явно что-то высчитывая, капнул пару капель из колбы в ведро.

Ведро вдруг стало подпрыгивать как будто стол кто-то встряхивал.

– Кажется, что-то пошло не так, – задумчиво провозгласил Сайнар невозмутимо глядя на едкий дым начинающий сочиться из-под крышки.

Ян схватил незадачливого мага под мышку и выскочил с ним через открытое окно на задний двор. В доме сверкнуло, грохнуло, из окна лаборатории повалил белый дым.

– Вот это да, -восхищенно прошептал маг, – первый раз такое вижу.

Ян пытался откашляться. Сайнар во время прыжка в окно заехал ему в поддых, да так, что разогнуться все еще не получалось.

– Идемте смотреть что получилось, эрр Экита! – Сайнар в нетерпении подергал Яна за рукав, тот с трудом подавил желание отвесить магу подзатыльник, как расшалившемуся папану.

– Там еще дым, и он, похоже ядовит! – Ян ткнул пальцем в окно, – надо ждать пока проветрится.

– О, вы так думаете? – Сайнар растерянно глянул на окно, из которого клубами валил белый дым, – да, реакция что-то бурно протекает.

Ян, наконец-то, полностью распрямившись подошел к двери и открыл. За дверью непроницаемыми белыми клубами стелился дым, полностью закрывая происходящее в лаборатории.

– Мд-а-а, – с чувством произнес Ян отходя подальше. Дым был похож на пороховой, а значит, совершенно точно, ядовит.

– Не закрывайте дверь, – Сайнар выглядывая из-за плеча Яна вдруг начал смеяться.

Ян с удивлением смотрел на хохочущего мага.

– Я так не безобразничал со времен обучения, – хохоча пояснил тот, – однажды, будучи еще совсем юным, я умудрился взорвать подушку. Перьев вокруг, пожалуй, было столько же сколько сейчас дыма. Ох и досталось мне тогда от учителя.

Он утер выступившие от смеха слезы.

Ян укоризненно покачал головой. Сайнар вдруг смутившись сказал.

– Я бы пригласил вас за стол, отобедать, пока здесь все проветривается, но боюсь, у меня в ларе немного черствого хлеба, сыр и ветчина. Вы, эрр Экита, наверное, привыкли к более изысканной еде.

– Идемте, я не притязателен, к тому же обед в родительском доме, я уже пропустил, – согласился Ян, – хорошо, что у вас лаборатория отдельно от домашних помещений, иначе бы в дом невозможно было войти.

– О! – воскликнул маг, – я уже научен горьким опытом, знаете ли. Эксперименты не всегда безопасны.

– Не всегда – согласился Ян, следуя за Сайнаром в кухню.

В маленькой кухне было тесновато. Сайнар достал из ларя четверть сыра, ржаной хлеб и кружок ветчины, подумал, нарезал крупными ломтями хлеб и задумчиво завис над столом, явно не зная, как быть дальше.

Ян решил исправить неловкость.

– Эрр Сайнар, вы ставьте воде для отвара, а я пока нарежу бутербродов. Есть у вас плоская тарелка?

Сайнар закивал, полез куда-то в шкаф и достал небольшое деревянное блюдо.

– Никогда бы не подумал, что можно так сделать, – Сайнар разглядывал бутерброды, – думал нет еды, а получилось целое блюдо. Это где так готовят?

– В Лерте, правда там еще и запекают в печи, так чтоб сыр сверху подплавился, – задумчиво крутя в руках кружку с отваром пояснил Ян.

Беседа была неспешной. Маг расспрашивал про Лерт, про Равенхальм.

– Я не бывал так далеко от дома, – пояснил он, – а тут вообще чужая страна. Интересно. Ян, посмеиваясь и умалчивая слишком откровенные подробности, рассказал ему, как они с Ингой попали к магиане-мошеннице.

– Ваша спутница очень отважная женщина, – сказал маг выслушав.

– Да, – согласился Ян, – как думаете, там проветрилось?

– Сейчас проверю, – Сайнар вышел и вскоре вернулся, сияя как новенький золотой, в руках он держал две пары кроссовок, – точная копия, даже царапины на месте! Теперь надо на вас их подогнать.

Он что-то пошептал, достал из кухонного шкафа какой-то серый, блестящий, порошок, посыпал им кроссовки.

Те задымились, Ян ругнулся, собираясь снова хватать незадачливого мага под мышку и тащить на улицу. Но дым пропал, а кроссовки, по крайней мере визуально казались нужной длины.

– Ну и ну, – выдохнул Ян.

– Примерьте, – Сайнар потер руки в нетерпении и хихикнул, – мастером по изготовлению обуви я еще не бывал.

Он задумчиво прикинул кроссовки в руках.

– А не позволите ли вы мне, эрр Экита, сделать и себе копию этой обуви? Уж больно они легкие.

Ян согласно кивнул и надел кроссовки, попрыгал. Было ощущение, что на ногах нет обуви вовсе.

– Благодарю, эрр Сайнар, – он положил кошелек на стол, – кстати, если у вас есть желание, можете присоединиться к тренировкам. Сегодня около шестого круга.

– Да я как-то не особо, – смутился Сайнар, – все больше за столом.

– Ну, как хотите, – не стал настаивать Ян.

Ведро хватило на три пары кроссовок. Сайнар получив свою пару тут же надел их на ноги и пару раз топнул пяткой.

– Удивительно, – произнес он и снова топнул по полу, разве что, не пустившись в пляс.

«Неужели я, в глазах Инги, выглядел таким же придурком, разглядывающим любую мелочь с открытым ртом?»

Ян наскоро расплатился с магом, оседлал Ворона, и отправился домой.

Дома царил тишина, обед уже давно закончился, время ужина еще не наступило. Мать с Денирой были в гостиной и, кажется, вышивали.

Ян отнес мешки в комнату и спустился поздороваться с матерью и сестрой.

Мило побеседовал с ними о погоде, пообсуждал свою, якобы, прогулку, за городом. Рассказал, кого встретил из знакомых. Почитал им книгу стихов. За этим высокоинтеллектуальным занятием его и застал Арис.

– Ярран, ты сегодня будешь заниматься в зале?

– Ох, – Ян отложил книгу в сторону, – ты не шутил, что будешь тренироваться со мной?

– Нет, – брат дернул пуговицу на камзоле, – так когда?

– На шестом круге, возможно, придет РошСайнар. Думаю, он присоединится к тренировкам.

– РошСайнар? – изумленно воскликнула мать, – но ведь он же...

– Что "он же"? – Ян недоуменно смотрел на мать, не понимая, что ее так удивило.

– Маг РошСайнар? – смеясь уточнил Арис.

– Да, – Ян пожал плечами, – а что смешного?

– Ты пригласил к нам домой сына магистра РошГастейна.

Ян от неожиданности дернулся и сбросил со стола книгу, тяжелая, в деревянной обложке, она, как водится по закону подлости, плюхнулась прямиком на ногу.

– Надо же, а по нему и не скажешь, что Гастейн его отец, – сдавленно прошипел Ян.

Мать поджала губы.

– Неудивительно, он не так давно его признал, мало того, что Рош Сайнар открыл магическую лавку, так он в ней еще и работает. Весь в мать.

– Мама, – примирительно сказал Арис, – ты же знаешь, что магам надо постоянно развивать магию, тренироваться, иначе они теряют форму и становятся слабыми.

– Эрт Рош Гастейн умудряется свою магическую форму развивать и без лавки, – отрезала мать, – а здесь сразу видно неблагополучную наследственность, которую, даже самой благородной кровью не исправишь. Лавочники, – она возвела очи горе и брезгливо пожалала плечами.

Денира тихо ойкнула, уколов палец.

– Предлагаешь отказать ему от дома? – насмешливо поинтересовался Ян.

Мать замаялась, отказывать от дома сыну главы совета магов, без серьезных на то оснований, было неприлично, и весьма недальновидно.

– Ну хорошо, – нехотя согласилась она, – пусть приходит, тем более что вы собрались в этом вашем зале фехтовать, а не в гостиной сидеть.

– Не переживай, мама, мы не будем мозолить вам с Денирой глаза, – пообещал Ян.

На шестом круге Ян с Арисом уже были в зале. Ян наматывал круги по залу, Арис лупил кулаками по груше, неловко замахиваясь.

– Братец, не маши ручонками как крыльями, – Ян на бегу кинул ему тканевые ленты, – на руки намотай, а то собьешь кулаки и будешь ходить, как боец с ярмарки.

Арис отошел от груши и недовольно заворчал, наматывая бинты.

– Все-таки я не совсем понимаю, как правильно наносить удары. Ярран, как их на руках закреплять?

Ян подошел и помог брату закрепить бинты.

– Ну, вот смотри, руки к корпусу, – Ян легко протанцевал вокруг груши нанося серию ударов, – руками не маши, тут, как я понял, важно свой вес вложить в силу удара.

Дверь зала скрипнула.

– Эрт Ярран, к вам с визитом Дарис Рош Сайнар, – пафосно возвестил Грид заглядывая в зал.

– Зови, – кивнул Ян.

Маг вошел в зал откровенно глаза по сторонам.

– Вы фехтуете? – спросил его Арис отходя от груши.

– Что? Ах да, то есть, нет, – Сайнар смутился, – я книгами больше интересовался. Здравствуйте, эрры.

Ну конечно, если его мать торговка, то вряд-ли у него было время заниматься, помимо магии, еще и фехтованием. Интересно, Арис намеренно поставил его в неловкое положение своим вопросом, или сдуру ляпнул.

Ян, нахмурившись, глянул на младшего брата, дескать, не зарывайся. Тот сделал вид, что не понял почему это старший братец смотрит на него с таким неодобрением. Повернулся к Сайнару и предложил, кивнув на кладовую.

– Можете взять клинки, какие понравятся, потренируемся.

Сайнар беспомощно посмотрел на Яна.

– Выбирайте не слишком тяжелые и не короткие, при вашем росте, конечно, можно и короткими сражаться, но это при наличии навыка, – посоветовал Ян и повернулся к Арису, – идите вместе, поможешь ему подобрать что-нибудь подходящее. И защиту не забудь.

– Ты уверен? – спросил Арис.

Ян начал медленно закипать, он уже открыл рот, чтоб сказать Арису, что думает по поводу его снобизма, как братец заулыбался, примирительно подняв руки.

– Я не то имел в виду, – засмеялся он, – просто эрр Сайнар, как я понял, совсем не умеет фехтовать. Значит надо начинать сначала. Как с нами, помнишь?

А ведь Арис прав, дошло до Яна, если сразу выдать Сайнару клинок, он может запросто травмироваться.

– Я тут вот, обувь для бега принес, – подал голос маг, доставший из холщового мешка кроссовки, – так, что не обязательно фехтовать.

– Ага, – Арис подошел ближе, рассматривая обувь в руках Сайнара и обувь на ногах Яна, – твои проделки, братец?

– Я ничего не делал, – засмеялся Ян.

– Моя пара где? – сурово нахмурившись поинтересовался Арис, – не надавать ли тебе по шее, братец?

Ян носком подцепил лежащий на полу клинок и ловко подопнув вверх, поймал его в руку.

– Защищайтесь, сударь!

– И где только набрался, – хмыкнул Арис, доставая клинки, – мне нравится. Не боишься, что я тебе задницу надеру?

– Надиралка отросла чтоль? – фыркнул Ян, обходя мелкого нахала, – не беги потом к мамочке жаловаться.

– Как бы ты не побежал, – Арис дернул плечами разминаясь.

Сайнар, с веселым удивлением, наблюдал за перепалкой двух братьев.

– А вы что встали столбом, эрр Сайнар? – Арис протянул клинок удивленному магу, – держите, не порежьтесь, так и быть, я один – сильный, выступлю против вас двоих – слабых.

Он заносчиво выпятил нижнюю губу. Ян хмыкнул.

– Ну как знаешь, братец, как знаешь.

Через три минуты клинок Ариса лежал на полу. А сам он потирал запястье. Сайнар стоял в стороне посмеиваясь.

– Не повредил? – уже без шуток спросил Ян

– Не, – Арис мотнул головой, – где научился?

– В Лерте тренировался, – для большей внушительности Ян выдержал паузу, – с Норедом Рош Рашшатом.

Арис присвистнул.

– Откуда?

– Вастаб нанял для охраны.

Арис только головой покачал и повернулся к Сайнару

– Знаете, эрр Сайнар, давайте я с вами, на вон тех деревянных мечях, потренируюсь, а то у этого хитреца наверняка есть еще финты подсмотренные у эрра Рашшата. Мое, и так порядком раненное, самолюбие этого не переживет.

Ян фыркнул и, положив клинки на место, пошел отрабатывать удары на груше.

– Так, что там насчет белых, симпатичных ботиночек? – поинтересовался Арис, когда они втроем сидели в малой гостиной после тренировки.

– Ты куда бегать-то собрался? – спросил Ян.

Арис глянул на Сайнара пытающегося сидеть в кресле ровно, и хмыкнул.

– С вами.

Вечером Ян, сидя у себя в комнате, обдумывал события дня, не спеша. Удобное кресло и стакан горячего отвара, еще одна привычка приобретенная в Лерте, располагали к размышлениям.

Шаг за шагом, прокручивал и едкие слова матери, молчание Дениры и ее заинтересованное зырканье при упоминании Сайнара. Один быстрый, короткий, недобрый взгляд.

Складывалось ощущение, что за спиной, вне пределов зрения, воронкой посреди тихого омута, разворачивается масштабная интрига.

Да еще и вещи в комнате кто-то явно перебирал и трогал. Рюкзаки были чуть выдвинуты из угла. На самую, незаметную, малость. На шкатулке, куда он убрал телефон, возле замка, обнаружились мелкие, едва заметные, царапины. Однако, даже если шкатулку и открывали, то телефон трогать побоялись. На темном стекле экрана был только один отпечаток пальца – Яна, он держал телефон за угол, когда осторожно складывал на обитое серым бархатом дно.

Можно было, конечно, списать изменения, происходящие с вещами, на прислугу усердно натирающую пол и протирающую пыль. Но Ян понимал, что это глупость и верх наивности. За ним явно следили, проверяли вещи здесь, в отчем доме. То, что это делала не только прислуга, Ян даже не сомневался. Отец и мать были в курсе каждого его шага, а возможно не только отец и мать.

«Даже если у вас мания преследования, это не значит, что за вами не следят» - шутила Инь.

Потревоженные вещи вызывали гнев, как будто кто-то забрался на личную, неприкосновенную территорию и оставил там свой след, неосязаемый, невидимый, но сильно раздражающий, настолько, что хотелось вымыть шкатулку с мылом. И другие вещи к которым прикасались чужие руки.

Проворочавшись полночи, обдумывая, что же делать с обещанием данным матери, которое теперь не нарушить и вмешательством в его жизнь, он, наконец, заснул.

Ранним утром Ян, пока дом еще спал, а солнце только намечало вставать, прокрался в кабинет отца. В неровном свете начинающегося утра он быстро написал подорожную. За время работы младшим послом он выдавал их в таком количестве, особенно купцам, что теперь состряпать подобную бумагу мог с закрытыми глазами. Вытащил из тайника «общую» печать. Торопливо тиснул ее на бумагу и так же торопливо вернул на место.

Было неприятно, будто занимался чем-то подлым, но быть задержанным где-нибудь на границе не хотелось.

Прихватил рюкзаки с вещами и деньгами, и выбравшись незамеченным из дома торопливо направился в сторону городских ворот.

Рассвет еще только начинался, город спал, даже самые ранние торговки не попадались навстречу. Только кое-где в домах тускло светились окна. Кому-то уже не спалось, или еще.

Добравшись до закрытых на ночь городских ворот, Ян постучал в сторожку, проигнорировал ворчание сонной стражи, предъявил им подорожную на проезд за ворота в любое время. Капитан стражи близоруко щурясь, в тусклом свете свечи, сначала попытался читать написанное, потом просто поскреб печать ногтем, и вернул бумагу Яну, коротко велел стражнику застывшему у двери

– Открой, пропусти.

Тот молча, стараясь не дышать на благородного эрра перегаром, отпер черным кованым ключом замок на калитке, пропустил Яна за городскую стену.

Ян, на всякий случай отошел как можно дальше от ворот, чтобы не проследили направление полета.

Перекинулся и максимально ускоряясь, так, что пришлось почти полностью закрыть носовые перепонки, чтоб иметь возможность нормально дышать, а не захлебываться ветром, полетел по направлению к границе с Хистераном.

Недалеко от пограничного пункта Ян приземлился в ближайших кустах, перекинулся, оделся и пошел проходить границу пешком. Документы на имя Дарбая Каноруса, выглядели уже довольно потрепанными, но вопросов не вызвали.

Что интересно, и магические детекторы, которые должны определять камни древних, на него никак не отреагировали. Ни на границе, ни у городских ворот.

Ян отошел подальше от пограничного поста, снова перекинулся в обличье горга и полетел в сторону Гольтема: пограничного города. Там было большое отделение имперского банка Хистерана. И насколько он помнил несколько отделений банков поменьше.

Перед Гольтемом он снова повторил трюк с кустами и переодеванием, чтоб не выделяться из окружающей пестрой толпы, и пройдя через городские ворота направился напрямик в банк. Где арендовал на полгода ячейку для хранения вещей и сложил в нее оба рюкзака с вещами и деньгами.

Без песен из телефона Инги, конечно, будет грустно, но чутье подсказывало ему, что вещи лучше спрятать подальше. Вне досягаемости и юрисдикции отца. Хистеранский банк как нельзя лучше для этого подходил.

«Чутье на неприятности я тоже от нее подхватил».

Чутье нашептывало, что неприятности будут. И, из-за опрометчиво данного обещания, избежать их не удастся. Значит, следует к ним подготовиться.

Выйдя из банка, он в задумчивости остановился посреди улицы, ключ от ячейки оттягивал карман камзола. На ключе горделиво красовались выгравированные буквы «ИБХ» и украшенный причудливыми завитушками номер ячейки. Такой ключ следовало хранить подальше от чужих глаз. Слишком уж явно он указывал на то, где его владелец хранит свои сбережения.

Ян поправил сумку для одежды на плече и пошел, не торопясь, в сторону ворот. На глаза ему попала вывеска еще одного банка, тоже хистеранского.

«Будем путать слежку» решил Ян. Арендовал еще одну ячейку в банке и спрятал в нее ключ от предыдущей.

Ключ от новой ячейки был гораздо меньше размером и замечательно безлик. Никаких эмблем, только номер ячейки. А значит, если даже его увидят в комнате Яна, то и не поймут от чего он.

На пути к выходу из города Ян зашел в лавку мага, продать, если купят, мешочек с радужными алмазами

Маг долго разглядывал камни. Потом разложил их на столе. Потыкал в них колбой с розовой жидкостью. Колба отозвалась радостными вспышками. Маг озадаченно почесал макушку, осторожно поинтересовался где эрр взял такое количество камней древних, не особо рассчитывая на ответ. И поторговавшись, выложил на стол большой кошелек с золотыми монетами.

Довольный обменом ценностей на желтые кружочки Ян спрятал его подальше, под камзол, к ключу.

Пора было отправляться в обратный путь.

Желудок, не получивший свое с утра, пытался завязаться узлом. Ян огляделся, придется идти в ближайшую таверну. Недалеко мелькнула вывеска с нарисованным фазаном с золочеными перьями.

Ян вошел в полутемное помещение, критически оглядел столы и сел за тот, который показался чище.

К нему, грузно ступая, подошла служанка

– Обед или завтрак? – спросила она, вытирая руки серым фартуком.

Ян поморщился, вспоминая как это: быть аристократом в энном поколении.

Дернул плечом и не глядя на женщину приказал.

– Хорошо прожаренное мясо, ломоть хлеба, да не белого, а ржаного. Кувшин горячего отвара и ягод-кислицы, знаешь? И полотенце с горячей водой принеси, руки отмыть.

Служанка, сообразив, что перед ней благородный эрр, слегка качнулась – наклонилась вперед, сие действие должно было, видимо, изображать почтительный поклон и развернувшись отправилась на кухню.

Ян, ожидая, пока ему принесут еду, незаметно осматривался. Сзади расположилась компания из купцов в ярко-синих рубахах, видно, что заезжие, откуда-то с побережья. Сидят над

тарелками с густой, наваристой похлебкой и обстоятельно обедают. На столе у них стояли кувшины, явно с чем-то слабоалкогольным, на блюде нарезан целый каравай хлеба, сыр ломтиками и какая-то запеченная птица.

Справа сидел молчаливой тенью тип в капюшоне, скорее всего наемник. Перед ним сиротливо стояла керамическая кружка и кувшин похожий на купеческие. Судя по тому, как тип слегка катал кружку по столу, напиток в его кувшине давно закончился. А заказывать новый тип, судя по обдерганному плащу, было не на что.

За соседним с ним столиком невзирая на раннее время, начинала собираться компания местных завсегдаев. Они с шумом приветствовали друг друга.

За стойкой, помимо самого трактирщика, дремал, посапывая и пуская слюни на рубашку, бугай-вышибала с кривым, видимо, когда – то давно сломанным, носом.

От созерцания зала Яна оторвала все та же служанка, водрузив тарелку с жареным мясом на стол, поставила чайник с отваром и маленькие корзиночки с хлебом, и ягодами.

Ян ссыпал ягоды кислицы на мясо и, бросив в корзинку несколько серебрушек, протянул ее служанке.

– Понадобисься позову.

Служанка снова качнулась, изображая уважительный поклон и ушла.

Вилками тут не пользовались. Ян вздохнул с досадой, достал кинжал из ножен, вытер его полотенцем и принялся нарезать мясо на ломтики.

За соседним столиком, тем временем, прибывала шальная компания, шумела, поглядывала по сторонам оценивающе зыря наглыми глазами.

Купцы трапезничали.

Тип в капюшоне все больше сливался со стеной.

В таверну вошел еще один посетитель, огляделся, смерял взглядом пьяную компанию, усмехнулся, нехорошо так, в сторону купцов и направился за стол типа в капюшоне.

Услышанные обрывки слов «Росакар», «война», «закатный путь», заставили Яна навести уши и наклониться над тарелкой. Незнакомцы обсуждали судоходство на большом торговом пути, по крайней мере, так могло показаться среднему обывателю.

Но речь шла о расположении войск Росакара, вдоль этого самого торгового пути, на границе с Хистераном.

В том месте, где земли Росакара образовывали тонкий перешеек между двумя морями, была река. Почти все время полноводная.

По ней, корабли купцов обходя скалистые и штормовые берега закатного моря, проходили в более теплое рассветное и вели торговлю с островами, на которых жили разрозненные племена, торгующие пушниной, разнообразными пряностями и, выловленными со дна, «морскими слезами», и жемчугом.

Росакар получал с купцов за проход по реке немалую прибыль и охранял этот путь соответственно получаемому.

Насытившись, Ян вышел из таверны на улицу, спиной ощущая внимание всех находящихся там. С удовольствием вдохнул свежий воздух, огляделся и нырнул в ближайшую подворотню. С крыльца таверны с грохотом скатился тип в капюшоне, отчаянно крутя головой и разыскивая куда ушел предполагаемый объект грабежа. Метнулся сначала направо, потом налево, подумал, и побежал направо.

Ян хмыкнул и пошел в противоположную сторону.

– Значит, благородный эрр в другую сторону пошел? – услышал он за собой гнусавый голос.

Ян досадливо хмыкнул и обернулся, тип в капюшоне стоял за спиной, держа в руках приличных размеров нож.

– Капюшонними, – очень вежливо сказал Ян.

– Это еще зачем? – просипел грабитель.

– Чтобы с правильной стороны тебе в морду дать.

Тип, зло оскалившись, кинулся вперед по-дурацки держа нож в вытянутой руке.

Ян перехватил его за кисть и ударом о колено выбил оружие. Внутри бродила, как хмельное вино, не испытывающая страха отчаянная злость.

– Не дури, – нож пинком оправился подальше. Тип пьяно заорал и нагнув голову снова кинулся на Яна. Тому даже не пришлось вставать в стойку, он просто отступил слегка назад, наклонился вперед всем весом и как на тренировке, провел серию ударов. "Прямой, прямой, боковой и в челюсть снизу". Последний удар в челюсть, пожалуй, был лишним. Ян даже не услышал, почувствовал, как под кулаком хрустит лицо противника и постарался поскорее отдернуть руку. Незадачливый грабитель упал, поливая брусчатку кровью с разбитого лица и неловко пытался встать, раз за разом расфокусированно скользя взглядом по улице и снова падая обратно.

– Не попадайся мне больше, – тихо, но очень внятно, предупредил Ян.

Обратный путь занял примерно два круга и к вечеру Ян, уже неспешно, шел по улице к родительскому дому, вежливо раскланиваясь со знакомыми. И думая, стоит ли делиться с отцом полученной информацией. В тавернах не планируют войны. А представители преступного мира явно знали, что затевают во владениях Милора Шестнадцатого. И собирались на этом неплохо поживиться, трупоеды, Вечность их прибере.

– Ян, где ты был? – встретил его в холле Арис.

– Да так, ходил кое-куда, прогуливался, а ты, что хотел?

– Тренироваться! – Арис лучился энтузиазмом.

Как не хотелось отказаться от тренировки, но показывать, что устал, а значит летал куда-то далеко, нельзя. Ян вздохнул.

– Сейчас, я переоденусь, попью отвара, а то у меня после прогулки жажда разыгралась и пойдем в зал.

Он поднялся к себе в комнату, там явно побывала прислуга, пыль была протерта, постель поменяна.

На прикроватном столике стоял поднос с обедом. Чашка с остывшим бульоном, поджаренный хлеб и тушеное мясо.

Ян торопливо сжевал мясо, запил холодным и из-за этого отвратительным на вкус, бульоном.

Сбросил камзол на кровать. В кармане требовательно, напоминая о себе, звякнули монеты. Ян подумал, разделил монеты на три кучки, первую рассовал по карманам камзола, вторую и третью сложил в небольшие кошельки. Один убрал в шкатулку. Не слишком надежные места для хранения денег.

Однажды отец, сильно рассердившись на очередную выходку непутевого сына, в качестве воспитательной меры лишил Яна финансов. Предполагалось, что лишенный денег сын перестанет кутить и возьмется за ум. Яну тогда пришлось заниматься у друзей, а потом беспрекословно слушаться отца, чтобы он сменил гнев на милость. Из того семейного скандала Ян вынес две вещи, не брать займы, не давать займы, и быть финансово независимым, чтобы деньги не использовали как рычаг для давления, заставляя делать то, что не хочется.

Сейчас, Ян старался обрубить возможность управлять собой через деньги.

Второй кошелек он спрятал внизу, под изголовье кровати. Туда же, под деревянную планку, спрятал ключ.

Переделся костюм для фехтования: свободные брюки и рубашку без пуговиц. Надел кроссовки и направился в зал, где его ждал, переминающийся с ноги на ногу от нетерпения, Арис.

– Сайнар-то сегодня появится? – уточнил Ян у брата.

– Да собирался, он мне кроссовки обещал, – Арис нырнул в оружейную и вытащил длинный одноручный меч, взмахнул им пару раз, примериваясь, – не, не то.

Он ненадолго пропал где-то в недрах оружейной комнаты. Вынырнув оттуда с кистенем в руках.

– О! Смотри, тут кистень есть!

Крутанул зубастый шар на цепи в руках, хмыкнул:

– Один удар, один труп, – он нырнул обратно в кладовку.

– Палицу там поищи, – ехидно посоветовал Ян.

– Не-е, – протянул Арис, – она тяжелая, ты от нее в момент удерешь. А кидаться ей нельзя.

– Вы всегда так беседуете? – у входа стоял Сайнар, посмеиваясь.

– Да уж, – Ян потоптался на месте начиная разминку, – нежная братская любовь.

Сайнар заулыбался.

– А я вот, принес, то, что обещал вашему брату.

Он достал из холщового мешка еще одну копию кроссовок.

– Ага! – Арис выпрыгнул из оружейной размахивая деревянным клинком, – сейчас я все! Сейчас я всех! И вообще я все сейчас!

Сайнар от неожиданности выронил обувь на пол. Ян не выдержал, расхохотался и отвесил младшенькому легкий подзатыльник.

– Ты чего творишь?

– О! Ботиночки! – обрадовался Арис, – сейчас я их испытаю.

– Весело тут у вас, – слегка ошалело констатировал маг.

– А то! – Арис сосредоточенно разбирался со шнурками.

Надев кроссовки, он попрыгал, походил вдоль стенки, прислушиваясь к ощущениям.

– Легкие, удобные! Ярран, эрр Сайнар, ваши белые ботиночки прекрасны. Одобрю.

Ян шутливо поклонился.

– Ни в чем себе не отказывай, братец.

Тренировка прошла весело. Сайнар показал себя на удивление ловким, но не слишком опытным фехтовальщиком. Было видно, что ему не хватает того опыта, который нарабатывается именно практикой.

Арис сразу после тренировки собрался куда-то с друзьями, кажется, молодые люди собирались немного покутить.

А Ян и Сайнар остались в малой гостиной.

Ян распорядился, позвав Грида, чтобы принесли бутерброды и отвар.

Мотнул головой, приглашая Санара располагаться в кресле, и растянулся в кресле напротив сам.

– Эрр Эжита, – Сайнар неловко замялся, но потом, видимо решившись, спросил, – а ваши родители разве не против, что мы с вами общаемся?

– А почему они должны быть против? – Ян с удовольствием вытянул гудящие после тренировки ноги.

– Ну, все-таки я, – маг изобразил узловатыми пальцами в воздухе непонятный жест, – не так давно признанный.

– Сложный вопрос, столкнусь я с вами сезона три назад, сам не стал бы общаться, – Ян скривился в подобии улыбки, – но люди меняются. Считаю, что за последнее время я существенно поумнел. И имею право сам выбирать круг общения.

– А я вас помню, – Сайнар потер запястье, – вы и еще несколько молодых горгов устроили погром на рынке и пытались увезти за город торговку рыбой, толстая такая, горластая. Один из ваших приятелей перекинул ее через седло, так что панталоны сверкали на весь рынок, а она умудрилась отхлестать его рыбой.

Ян засмеялся и покачал головой.

– Да, помню, потом Ферис отмывался от рыбного запаха в фонтане перед императорским дворцом. И нам пришлось удирать от дворцовой стражи.

Сайнар поерзал.

– А почему вы не общаетесь с вашими друзьями сейчас?

В дверь постучал Грид с подносом в руках.

– Разлить отвар по кружкам эрр? – уточнил он, составляя на стол изящный фарфоровый чайник и кружки. В фарфоровой вазочке красовалось миниатюрное печенье с тариковым (кто бы сомневался) джемом, на фарфоровом, с позолотой, блюде покоились тонко нарезанные ломтики ветчины, мяса и сыра украшенные зеленью.

Поднос кричал об аристократизме и богатстве его владельцев. Надо сказать, удар своей цели достиг, Сайнар глядя на все это фарфоровое великолепие как – то съежился в кресле, сник, стараясь казаться меньше и незаметней, что при его высоком росте выглядело нелепо. Казалось, в нем разом добавилось несурзанности и неловкости.

«Очередной спектакль для, не слишком желанного, гостя, да за что ж они его так?» - злился Ян, прекрасно понимая «за что».

– Кто распорядился именно так сервировать? – поинтересовался Ян.

Грид, не моргнув глазом, ответил.

– Эрра Денира, эрр.

– Спасибо, Грид, ты свободен.

– Ну что, приступим? – преувеличенно бодро, стараясь замаять неловкость, предложил Ян.

– Не надо, – едва слышно выдохнул маг, неловко дернув ногой, – я понимаю ваших родственников. И понимаю, что вы пытаетесь сгладить. Но, эрр Ярран, мое присутствие здесь, как бельмо на глазу.

– Ради Вечности, Сайнар, – Яна разозлила эта несурзанность, – вы, всегда извиняетесь за свое происхождение когда вам подают еду не на той посуде?

Сайнар задумчиво потер нос.

– Да вроде нет.

– Вот и прекращайте.

Ян взял чашку и отпил из нее отвар. «Ну, погоди, сестренка, получишь ты у меня на орехи, не посмотрю, что ты старшая»

– Я встречал путешественника из страны, где нет аристократии, – неожиданно для себя сообщил Ян – так вот, там человека судят по его делам, по тому, чего он смог добиться своим умом и своим трудом. Представляете? Не за то, что он родился у определенных родителей.

Сайнар неверяще покачал головой.

– Разве так может быть? Это утопия.

– И крамола к тому же, -вздыхнул Ян, – давайте, чуть позже и не здесь это обсудим, если вам интересно. У меня нет оснований думать, что мне лгали. Мне такой подход к людям показался интересным и знаете, я очень многое переоценил. Потому и перестал общаться, вернее, перестал пить с так называемыми приятелями. Понял, что перестал разделять их увлечения.

Сайнар кивнул.

– Понимаю.

Допив отвар и распрощавшись с Сайнаром Ян отправился на поиски старшей сестры.

– А где мама? – спросил Ян у сестры входя в гостиную, – она не с тобой сегодня?

Денира услышав Яна резво отпрыгнула от окна, слегка порозовела, и махнула зажатой в руке платочком в сторону маминной комнаты.

– У мамы разболелась голова, она у себя.

Чтож, так даже лучше, не будет никто вмешиваться в серьезный разговор.

– Денира, радость моя, – добавив возмущения в голос спросил Ян, – не объяснишь мне, что за странная сервировка подноса для малой гостиной? Парадная посуда, – тут Ян позволил себе зло рассмеяться, – на ней изысканное угощение и все это для нежеланного гостя?

Сестра жала губы в ниточку.

– Что не так, Ярран? – спросила она, высокомерно задрав подбородок, – я старалась выбрать угощение получше.

– Тебе это удалось, гостя ты впечатлила, – Ян сменил тон с возмущенного на ехидный, – Сайнар решил, что такой праздничной посудой, ему указывают на то, какое у него низкое происхождение. На тебе, – он сделал широкий жест рукой в сторону, имитируя поклон дворецкого, – деревенщина, посмотри, с какой посуды мы кушаем.

Охнув Денира прикрыла рот платочком. Высокомерность куда-то испарилась. Перед Яном стояла старшая сестра, немного уставшая, немного испуганная, уже взрослая женщина, так и не сумевшая выйти за рамки родительской опеки.

– Я же хотела, как лучше, – она сникла, – угостить, он же, наверное, никогда такого не ел и посуду такую не видел.

Сестра решила впечатлить гостя позолоченной посудой, Ян с трудом удержался от ехидного фырканья.

– С чего бы тебе стараться произвести на него впечатление? – он смотрел на стоящую напротив сестру и не мог понять почему вдруг она заливается румянцем, его внезапно осенило, – Дени, он что, тебе нравится?

– Ну, немного.

– Для «немного» не достают лучший фарфор для сервировки. И не дают указаний кухарке украсить блюдо зеленью.

Она смущенно уставилась на платочек в своих руках.

– Я обрадовалась возможности угостить эрра Сайнара чем-то вкусным и даже не подумала, что он так это поймет, – она огорченно выдохнула, – и как быть теперь?

– Ты когда его углядела?

– Когда он в первый день сюда пришел и в холле ждал, пока Грид тебе доложит, подглядывала.

– Вот так сразу и понравился? – Ян не скрывал сомнения.

Она вздохнула.

– Кажется, с первого взгляда.

Ян озадаченно потер щеку

– Значит, ты хотела побаловать гостя изысканной пищей и накормить повкуснее.

– Да, ты правильно все понял, ведь есть из красивой посуды приятно, – Денира обиженно поджала губы и отвернулась, – а ты сразу ругаться на меня.

Ян сел на диванчик у окна, похлопал по месту рядом с собой. Сестрица, осторожно, как скрат по горячей крыше, подошла к дивану и села на самый край.

– Дени, из-за твоего увлечения у тебя могут быть проблемы. Ты же знаешь отца.

– Знаю, – она смяла платочек в пальцах и с надеждой подняла взгляд на Яна, – отец меня сжует, если узнает, но ты же ему не скажешь?

– Нет, конечно, – Ян огорченно вздохнул, – он не рвется со мной разговаривать, ты сама видишь.

Молчание отца огорчало. Казалось, родитель решил или изводить придирками, или отмалчиваться, стараясь не замечать своего сына. С момента прибытия Яна в Росакар они едва ли перебросились парой фраз, не считая перепалки в столовой.

– Знаю, – Денира вздохнула и смяла несчастный кусок ткани в комок.

– Дени, это не самая лучшая идея, бросится на первого встречного потому, что он тебе понравился, – Дени вздохнула и посмотрела на пол, – я не сомневаюсь, что ты увлечешь Сайнара, запросто, но пожалей парня, у него и так достаточно проблем, – Ян вздохнул.

Денира посмотрела на него с удивлением

– Ты его защищаешь?

Ян улыбнулся

– Скорее тебя, ты же понимаешь, что отец никогда тебе не позволит серьезных отношений с сыном лавочницы.

Денира понурила голову.

– Но эрр Сайнар сын магистра Рош Гастейна, – робко возразила она.

– Боюсь, Дени, что этого недостаточно, чтоб получить одобрение отца. Даже для простого ухаживания.

– Но ты и твоя травница.

Ян устало вздохнул.

– Ну, во-первых, она не травница, а во-вторых, Дени, ты забыла? Я изгнанный, я не в стае и могу делать, что хочу, а вот ты нет.

– Я замуж хочу, – Дени втерла мокрые глаза платочком, – понимаешь. Просто замуж, ну хотя бы, чтоб муж нравился. А отец приказал мне, раз Вейрс погиб, идти в младшие фрейлины к принцессе. А я не хочу во фрейлины, про Гривенту, сам знаешь, что рассказывают.

Нрав принцессы Гривенты был скверным, императорская семья несколько раз компенсировала ущерб пострадавшим фрейлинам, стараясь замаять скандал. Пострадавшим от рук и кнута принцессы, которой показалось, что фрейлина посмела посмотреть на понравившегося ей стража. Свита принцессы, да и сама она отличались редким распутством. Усмирить буйный нрав не могли ни ссылки, ни скандалы, ни приличного размера суммы выплат. Два сезона назад принцессу сослали в замок Джинагу, в провинцию. Значит, теперь она вернулась в Росакар.

– погоди, Рош Вейрс погиб? Когда? – Ян хорошо помнил желтоглазого, кудрявого шатена с гордым профилем.

Денира закусила губу.

– Через неделю после того как тебя отослали в Хистеран, он и Караш устроили ночью скачки, напившись как акусы. За этим наблюдала добрая половина Роскара, Вейрс видя, что его обгоняют, швырнул бутылкой с вином в круп коня Караша. Конь взбрыкнул, сбросил Караша под копыта коню Вейрса.

– Караш тоже погиб? – уточнил Ян.

– Караш нет, он обезножел, – Денира смотрела в одну точку, – а Вейрс сломал шею перелетев через голову лошади.

– Дени, мне жаль, – Ян растерялся не зная, что сказать сестре потерявшей жениха.

– Зато мне не жаль, прости мне эту откровенность, но мне не очень хотелось выходить замуж за Вейрса. Я, конечно, покорилась воле родителей, но он мне не нравился, несмотря на убеждения, что я привыкну.

– Моя сестра разумна, – засмеялся Ян, – сколько я не пытался донести до отца, что Вейрс слишком буйный для твоего домашнего характера, отец не слушал.

Денира сердито посмотрела на брата, и заговорила шепотом, скороговоркой,

– Я видела твои рисунки! Твоя травница там как живая и нарисована с любовью, это сразу видно. А еще я слышала, что ты говорил Арису, там на лестнице. И я хочу как она! Чтоб и у меня так же, меня так же любили! – она стукнула пяткой об пол, – и рисовали так же. Я тоже хочу быть единственной! Хочу, чтобы меня видели вот так. А не как мама с отцом: каждый сам по себе.

– Дени, ты рылась в моих вещах? – Яну стало смешно. Кажется, женское любопытство, как сильный вихрь, сметает все на своем пути. Даже рассердиться на сестру не получалось.

– Да, после того, что ты сказал Арису, мне очень хотелось посмотреть. Прости, а? – она жалобно скривилась.

Ян откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза, внезапный и откровенный разговор с сестрой почему-то вызвал усталость.

Вот вернется в Лерт, будет ходить по дому, сидеть каждое утро на черном крыльце, пить горячий отвар, смотреть как сад меняет сезоны, лето, осень, зима. . . И будет казаться, что Инга где-то рядом. Может ушла на рынок, а может на кухне готовит обед, приглядывая за «стиральной машиной» так она называла бадейку для стирки белья. Вот он будет сидеть, с закрытыми глазами и слушать, как поскрипывает дом, как цокочут по полу коготки Суси. А Инга выйдет к нему из кухни, обнимет его со спины, поцелует легко куда-то за ухо, вызвав легкие мурашки по спине, потреплет ласково по плечу, как делала только она, и скажет: «Пойдем, мой хороший, обедать». И можно будет с ней поговорить, посоветоваться.

«Инь, моей сестре понравился сын лавочницы и главы совета магов, она хочет за него замуж, а я даже не знаю, то-ли сказать ей, что это безнадежное предприятие, то-ли подбодрить и посоветовать выбираться из-под опеки родителей. И решать самой, но в таком случае, и за ошибки придется отвечать самой. А расплата за них, для женщины, ой как велика и если раньше я об этом не сильно задумывался, то сейчас понял. Что же мне сказать ей, Инь?»

Ян сглотнул комок перекрывший горло, он обязательно вернется в Лерт, а сейчас надо разбираться с тем, что здесь. Потерпеть, осталось совсем немного. Если бы он не пообещал матери, эх, если бы только.

– Дени, Дени, – Ян осторожно приобнял сестру за плечи, – я не сержусь, хотя надо бы. Кто из нас старший? – поддразнил он ее, – помнишь, обычно я гонялся за тобой и таскал твои книжки, а не наоборот.

– Я не могла удержаться, ты так это говорил, что мне тоже захотелось быть особенной для кого –нибудь, – оправдывалась сестра, – я хотела понять, как это бывает.

– Это сложно, за такое чувство, как ты хочешь, приходится расплачиваться очень многим. Нести за него ответственность. Понимаешь, иногда даже жизнью. Если в такое влипаешь, это как черная топь, замены не будет никогда. И это не возникает разом.

– У тебя с твоей травницей возникло! – возмутилась Дени. Зеленые глаза сестры сверкали, а губы кривились словно она сейчас вот-вот заплачет.

– У меня с моей, как ты выражаешься, травницей «возникло» не с первого взгляда. И даже не с десятого.

– А как было?

Ян с трудом подавил горькие воспоминания. Боль, осознание близости смерти и невозможности что-либо изменить и любовь, которая вдруг заставила поверить в чудо и забыть о скором, тогда еще казалось неизбежном, исходе.

– Как у нас было, – Ян задумчиво почесал макушку, – а весело у нас было, фехтовали, есть готовили, танцевали и разговаривали. Наверное, это самое главное, не просто разговаривали, а у нас получилось друг друга понять. Совпасть как головоломка многими гранями.

– А она правда такая красивая, как ты ее нарисовал?

Ян, улыбнувшись любопытству сестры, кивнул.

– Да, но это не очень важно, она отважная, и очень умная, – он мечтательно улыбнулся, вспомнив, как они стояли на верху стены, и потрянул головой, отгоняя от себя воспоминания.

– И ты ее любил? – осторожно спросила Дени.

– Я ее до сих пор люблю, – Ян с мягким вызовом посмотрел на сестру.

– Но, Ян, – осторожности в голосе Дениры добавилось, –она же травница. . .

– Да не травница она, – вздохнул Ян, – ученая она, Дени, ученая, математик.

– Ученая? – Денира недоверчиво смотрела на Яна, – женщина может быть ученой?

Ян с обреченным смешком кивнул, теперь он понимал почему Инге было проще представиться травницей.

– Может. За пределы своих представлений о правильности чего-то выходить всегда сложно. Мне доказали обратное, сама жизнь доказала.

– А почему ты сказал, что для тебя неважно, красивая она или нет

Ян пожал плечами.

– Потому, что, для меня это не важно, я буду любить ее любой, в ней слишком много всего помимо красоты внешней.

Денира задумчиво смяла платочек, развернула, скомкала снова.

– Получается, – медленно проговорила она, – ты полюбил ее не за красоту.

– Не только за красоту, – поправил Ян.

– А мама говорит, что женщина не должна быть умной, – Денира хихикнула, – ну, то есть, показывать мужчине, что она что-то знает. Женщина должна услаждать глаз и ее предназначение семья и дети.

– Дени, – Ян усмехнулся, – я сейчас сработаю против мужчин, но скажу. Глупая женщина нужна глупому мужчине. Который чувствует себя выше, понимая, что его женщина глупее, чем он. Я лично гордился, что моя женщина умница, мне нравилось, что я могу говорить с ней на равных. И даже, что-то новое узнавать, – вспомнив как он учил ее языку горгов и алорнскому Ян улыбнулся, – впрочем и она не боялась узнавать новое. Что касается услаждения глаз, ну вот представь, пока женщина юна, она красивая, юность проходит и все, можно ее разлюбить? То есть, в какой-то момент женского возраста происходит перелом, после которого женщину уже и любить не за что? Вот только браки у нас, не про любовь. Это больше коммерческая сделка. Но я понял, что не желаю для себя такой вот торговли. Даже если без моей травницы, – внутри поднялся протест, но Ян погасил его усилием воли, с трудом выталкивая слова, – с другой женщиной, то только при наличии не страсти, а именно любви.

Денира прикусила уголок платочка раздумывая над сказанным.

– Извини, Дени, я пойду, – Ян поднялся с дивана и потянулся, – устал на тренировке, – пояснил он и склонившись легко чмокнул сестренку в щеку, – обещай мне одну вещь.

Дени подняла голову и посмотрела на него снизу вверх.

– Что пообещать?

– Не усердствуй с Сайнаром, обдумай все хорошенько, иначе рискуешь испортить жизнь и ему, и себе.

Ян погладил ее по плечу и направился к себе в комнату.

И только там, прислонившись лбом к холодному стеклу окна, замычал от раздражающей изнутри боли. «Я каждый раз говорю, и думаю о ней будто она жива». Скрючился от осознания, что никогда больше не увидит её, пожалуй, это было самым страшным. Никогда. Совсем. Он сполз вниз, ухватившись рукой за подоконник, хватая ртом внезапно ставший густым воздух.

Глава 4

Алорна. Дворец Владыки Алорны

Меня злило все. Завтраки в кровать, боль во всем теле. Ощущение беспомощности.

Портной которого пригласили сшить мне платье. "Не уверен, что мне удастся сделать из эрры красавицу достойную Владыки".

Владыка решивший, что ему можно спать у меня в комнате потому, что я его невеста, и меня надо охранять.

Сначала он вообще сказал, что мы должны спать в одной кровати.

Я разоралась, что спать он будет хоть на коврике под дверью, но никогда у меня в постели. По крайней мере до свадьбы. Я слышала перешептывания, что я совсем не пара владыке Алорны, тем более, владыке получившему венец древних. Нечего меня компрометировать, и так уже дальше некуда.

Он в ответ на мое требование поджал губы, но спорить не стал, просто велел принести еще одну кровать. Ее поставили у окна так, что, просыпаясь я почти сразу натыкалась на внимательный взгляд бирюзовых глаз.

Я ждала пока он встанет и уйдет к себе и только после этого выбиралась из кровати, чтоб умыться и привести себя в порядок.

Сон в одной комнате он объяснил заботой о моей безопасности. Вдруг однажды ночью кто-нибудь решится совершить на меня покушение. Хотя, я честно пыталась возмущаться, что можно поставить охрану у дверей, но владыка решил охранять меня лично.

Лует, после разговора в беседке я больше не видела, её сменили на другую служанку. Невысокую, миловидную девушку звали, кажется, Рика. Эрру Эдею, как я поняла из разговоров, прижать к стенке не получилось. Лует по какой-то причине так и не призналась кто дал ей пузырек с ядом.

Обедала я вместе с Керю. Старательно размазывала еду по тарелкам, изображая отменный аппетит. Делая вид, что ем и пью.

Ела я, памятуя историю с Лует и ядом, с большой опаской, предпочитая еду из дворцовой кухни дары сада, прямо с веток. Стоило владыке отвернуться во время прогулки, как в карманы моего платья отправлялся запас яблок, а если везло, то груш. Воду я набирала там же в саду, в фонтане, в небольшую фляжку, которую мне удалось стащить из кабинета владыки.

Мало ли кто и что решит налить в еду с кухни, хотя ее, предназначенную для владыки, проверяли тщательнейшим образом. Рисковать не хотелось.

Завтракал он у себя в кабинете, уже за работой, ужинал вместе с придворными. Это было традицией. Ужинов я избегала, ссылаясь на плохое самочувствие и нежелание свалиться в обморок прямо в столовой при всех.

Во время работы он просил меня быть с ним, и я торчала до посинения в небольшой личной гостиной, за его кабинетом, дурея от безделья.

Этого золотистого красавца было слишком много, никакого личного пространства.

Но самое главное, меня злило мое беспомыслие.

Пообщавшись достаточно долгое время с владыкой и сопоставив факты, поняла, что от меня что-то тщательно скрывают. Его друг Имириэль, на некоторые вопросы опускал взгляд и говорил, что мне лучше "спросить это у Владыки". Керю на заданные вопросы отвечал, но как-то, по моим ощущениям, недостаточно. Мне одновременно и лгали, и говорили правду. Получалась полуправда.

Это тоже злило, вроде что-то знаешь, а по факту ноль. Никакой информации. Кто я, где мои родители, откуда берутся странные сны, в которых я управляю странной повозкой, поворачивая кольцо, и лечу по серой гладкой дороге с огромной скоростью. Или хожу по улицам,

я это точно знаю, знакомого города, где женщины одеты весьма непристойно, а мужчины просто странно, а я не могу вспомнить, что же это за город. Откуда всплывают в голове странные фразы, совсем не на местном языке. Особенно часто мне снился мужчина в черном, я стояла в круге света, дальше, за этим кругом, была непроглядная темнота. Мужчина подходил ко мне, брал за руку, шептал: "Не бойся" и вставал рядом. А в темноте ворочалось шупальцами как у спрута, что-то страшное, но в круг света войти не могло.

Все это было мучительно. Пытаешься ухватить что-то очень нужное и не можешь. Отдельные отрывки никак не желали складываться в цельное полотно.

Я сидела в гостиной за кабинетом владыки и маялась откровенной дурью, пока он занимался государственными делами, писала стихи. Передо мной, на столике, лежали листы бумаги и чернильница. Почерк мой, был до ужаса некрасив и непригляден, так, что становилось понятно: алорнский это не мой родной язык. Хоть старалась, выходило криво, пальцы не слушались, перья капризничали.

Строчки выводились сами собой, но я точно знала, что это не мои стихи. Эти накладывались на канву здешней реальности. Искажались ею.

– Милая, что ты делаешь? – голос выдернул меня из задумчивости. Керри стоял в дверях гостиной и улыбаясь смотрел на меня, -я уже закончил работать.

Я отложила перо в сторону.

– Ужасный у меня почерк, – вместо ответа протянула ему лист.

– Что это, стихи? – он, сощурившись, смотрел на мои каракули, – ты делаешь успехи, ну-ка, прочтем:

Мне полюбить вас не довелось

И уже точно не доведется, – он хмыкнул и пригладил ладонью волосы, -

Напрасен каскад светлых волос

Над гордым профилем иноходца

И раздувающий ноздри нос

И темной лентой реснички,

И -вероломные по привычке-

Глаза бирюзовой морских слёз, – он снова хмыкнул, – ого, какие сравнения, -

Улыбка, словно полуденный зной

И нежный смех, полуночной грезой

Но я предпочту остаться чужою,

На этом празднике цветущей весны,

И вы красавец, и вы добры

Как позолоченный древний идол,

И каждый должен, кто его видел,

Блюсти правила старой игры. ²

Он наклонил голову набок и задумчиво потер висок, – это мне, да? Ты уверена, что это стихи?

– Да, – я уверенно кивнула, – слова похожи, но звучание не то.

– А какое должно быть звучание? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Не знаю, – я взяла лист у него из рук и смяла, – не знаю. Не помню.

Лист полетел в корзину, где лежало еще штук пять таких же странных стихов. То про «Женщин в селеньях Алорны», то про то как «Черный горг возреал гордо над лазурною волной».

– Милая, – укоризненно мурлыкнул он и притянул меня к себе, – не переживай так, все наладится.

² (1) аллюзия к стихам М. Цветаевой «Мне полюбить Вас не довелось...»

Он погладил меня пальцами по щеке и легонько прикоснулся губами к моим.

– Я ничего не помню, а ты мне предлагаешь не переживать, – из-за его роста мне приходилось запрокидывать голову, чтоб смотреть ему в лицо, – у меня такое ощущение, что я родилась уже взрослой, из пены морской. Без прошлого. Почему меня привезли сюда, в твой дом, а не к моим родителям или родственникам, Алтенариэль? Где они?

Он замялся, я уже понимала, когда после моего вопроса возникает пауза, значит, правду мне не скажут.

– Ты сирота, – он выпустил меня из объятий и отошел к окну.

– Но где-то я жила до твоего дворца, или меня растили и воспитывали тут?

Он откашлялся, повернулся к столику и налил себе в стакан вино из небольшой бутылки. Прозрачно-голубое стекло бутылки, украшенное серебром, переливалось как драгоценность.

– Да, ты жила тут, – бирюзовые глаза смотрели спокойно и уверенно.

– А тут нет никого, кто вместе со мной воспитывался?

– Нет, милая, нет.

– Тогда почему я понятия не имею о дворцовом этикете? Хоть что-то я должна была вспомнить оказавшись в знакомой обстановке.

Он сел в кресло и залпом выпил вино, и снова, поморщившись, потер висок под венцом.

– Милая, я не знаю почему ты не помнишь дворцового этикета, прости, но не могу тебе ответить. Ты сирота, воспитывалась здесь, во дворце.

Я слушала как он говорит и видела его побелевшие пальцы, с силой сжимающие стакан. Только не могла понять сердится он или нервничает. Следующий вопрос решил все.

– Кем?

– Прости, что?

– Я спрашиваю, кто меня воспитывал здесь? Почему они не пришли меня проведать, когда узнали, что по мне пробежала лошадь?

– Да Вечность все подери!

Стакан из-под вина полетел в стену. Это мне не понравилось, нащупав спиной дверь я выскочила через кабинет в коридор и бегом рванула в свою комнату.

Бежалось плохо, бок сразу начало колоть. Я постаралась дышать глубже, не помогло, бок, кажется, заболел еще сильнее.

– Ингарра, стой! – голос Керо, кажется, разнесся на весь дворец. Луженая глотка у владыки.

Ага, сейчас, я ускорила невзирая на головокружение. Поворот коридора, я чуть не снесла какого-то ушастого, замешкавшегося на моем пути, лестница вниз, пара ступеней вверх и снова коридор. Двери наших общих с владыкой покоев. По сторонам вытянулись во фронт длинноухие охранники. Еще чуть-чуть, я залетела в свою комнату и захлопнула дверь почти перед носом владыки. Вернее, перед сапогом, который он на доли секунды не успел просунуть в дверную щель.

– Ингарра, я не хотел тебя напугать, – раздалось из-за двери.

– Идите вы, владыка, со своими стаканами, на хутор, бабочек ловить, – выдала я и прикрыла рот ладошкой. Это, что я только что сказала? Судя по озадаченному молчанию за дверью, владыка тоже не сильно понял куда его послали.

– Ингарра, открой дверь! – уже спокойно попросил он, – милая, я не могу тебе ответить на твои вопросы. Я сам тут недавно.

– Не открою, – буркнула я, – вы стаканы бьете о стены и меня пугаете. Идите к себе.

– Ингарра, прошу тебя.

– Нет, – я была непреклонна, – не сегодня. Вы меня напугали, и я хочу побыть одна.

– Хорошо, – после паузы сказал владыка, – зови меня, если передумаешь.

– Не передумаю, – буркнула я, забираясь с ногами на кровать. Закрывшись одеялом, я пригрелась и задремала. Будто провалилась в теплую, уютную темноту. Проснулась от звука горна.

Глянула за окно, солнце клонилось к закату, значит, владыка на ужине в большой столовой или в кабинете работает. Я умылась и высунула нос в коридор, никого. Ужин мне принесут попозже, значит, можно пойти в сад, но для этого нужно пройти мимо небольшого коридорчика ведущего к личным покоям владыки.

А судя по голосам там, в покоях, кто-то есть. Я на цыпочках начала красться к выходу.

Однако услышанное заставило меня замереть, и прокрасться в коридорчик перед чуть приоткрытой дверью.

– Я ее напугал, – расстроено сказал Керрио, а это был его голос, я узнала, – она убежала. Ими, я не знаю, что делать. Объявлять свадьбу? Она нездорова. Выдержит ли неделю торжеств? Ждать?

– Может, дать ей возможность самой решить? – собеседником владыки был Имириэль.

– Не хочу рисковать, – тон владыки был мрачен.

– Но взять ее в жены! Тем более таким способом, она же ничего не помнит, это нехороший поступок, Алтенариэль.

– Она вспомнит, со временем, сейчас мне главное удержать ее около себя.

– Ты не боишься получить врага в ее лице? – за дверью жалобно скрипнул ножками по паркету стол, так словно на него кто-то оперся, – если она древняя, то ты можешь обрести сильного противника.

– А у меня есть выбор? – голос Керрио зазвучал очень глухо, – с одной стороны Роскар, с другой Хистеран, так и ждут чтобы оторвать от нас лакомые кусочки. Что мне остается, Ими? Они как голодные звери с двух сторон. Я использую все шансы чтобы спасти наше государство. Она много знает, и я эти знания получу.

– А Эдея, что ты ей скажешь?

– С ума сошел? – возмущение в голосе Керрио было искренним, – эрра Эдея, конечно, весьма искусна в некоторых вещах, но я не хочу получить гнездо заговорщиков у себя в постели. Ее клан и так слишком влиятелен, если я на ней женюсь, то это влияние усилится еще больше. Ингарра и тут предпочтительней, ее признают артефакты древних, но за ней нет родственников, которые будут пытаться управлять государством и мной, через нее. Она родит мне сыновей, и свой ум, и знания, передаст, если не мне, то им. Какая мать не научит своего ребенка тому, что знает? Значит, будет династия, крепкая, разумно правящая, обладающая уникальными знаниями, разве это не благо для государства, Ими?

Имириэль огорченно вздохнул.

– Инга тебя никогда не простит за такое.

– Я знаю, но остаться без своей земли, без страны, гораздо хуже. Я отвечаю за народ алорнцев, Ими. За всех, кто живет на земле Алорны. Я один, за всех. Оказывается, венец владыки это не только власть.

– Но раз Ингарра одна, то ей могут пытаться манипулировать другие кланы, чтоб обрести влияние на тебя. Ты готов подставить ее под удар?

Ответ прозвучал сталью.

– Я буду ее кланом. Одним. Единственным.

– Ты на ней просто помешался, может, есть хоть что-то, что приведет тебя в чувство?

Керрио вдруг вздохнул и очень грустно сказал.

– Боюсь, что нет, мой друг.

Я осторожно поковыляла по маленькому коридору в сторону своей комнаты. У него значит, интересы государства, какая прелесть. Зато, стали проявляться многие моменты. Меня действительно чем-то опаивали, и я правильно перешла на садово-вегетарианскую диету.

Мне стало дурно, и я оперлась на стену коридора. Черт тебя пообери, Керио, зачем ты это сделал?

Хотя, я его понимала, на нем действительно лежала ответственность за всю страну, а он, будучи человеком умным, заботился о благе этой страны. В первую очередь. Наверное, из него получится блестящий государственный деятель.

В моей комнате, судя по столику с тарелками стоящему перед дверью, хозяйничала служанка, накрывая стол к ужину.

Я почти добралась до двери, обходя этот дурацкий сервировочный столик, как споткнулась об небольшой черный комок, выкатившийся мне под ноги неизвестно откуда. Комок, радостно попискивая, забрался, цепляясь маленькими коготками, по моей юбке вверх, я пыталась его стряхнуть, но безуспешно. Подергивая круглыми ушками, он полз выше и выше что-то тихо вереща, я протянула руку чтобы схватить за шиворот обнаглевшее животное и он меня укусил, продырявив до крови кожу на пальцах.

– Суся, ты офигел? – возмутилась я, на чистом русском, – степлер нашелся.

«Степлер»? Черный комок с писком рванул вверх к шее и, уцепившись невероятным образом за плечо, уставился мне в глаза своими желтыми глазенками.

Память обрушилась на меня мгновенно, сразу. Вернувшись полностью и вся, с такой четкостью и яркостью, что справиться с таким потоком информации было затруднительно. Я взмахнула руками и потеряла равновесие, растянулась на полу опрокинув на себя бульон, кусочки мяса напоминающие курицу, какой-то соус, и вдобавок, полный чайник, к счастью, не слишком горячего отвара.

Получите и распишитесь: блюдо вечера: Ингарра под куриным соусом.

Я сидела на полу коридора пытаясь вдохнуть хоть чуть-чуть воздуха. Память услужливо покидывала картинки, и я не могла справиться с этим потоком воспоминаний, мыслей, знаний, эмоций. Из носа потекла кровь, я чувствовала, как она стекает по губам и подбородку не могла поднять руку и стереть ее. Я закрыла глаза и легла на спину, стараясь справиться с тем, что происходит у меня в голове.

На шум из комнаты вылетела служанка, запричитала, схватила полотенце пытаясь оттереть с меня разлитое.

Суся куда-то исчез.

На шум выбежали и Имириэль с Керио.

– Инга! – Керио бросился ко мне и подхватил на руки, – что случилось? Тебе больно? Откуда кровь? Порезалась? Где? Лекаря сюда, быстро! – он обернулся к служанке и тихим, спокойным тоном пообещал, – запорю.

– Не смей, – я безуспешно попыталась вывернуться из его рук, – это не она. Это я налетела на столик и опрокинула на себя все.

– Понял я, все понял, милая, – он дрожащими руками пытался вытереть мое лицо.

Я, как тогда, в лесу, положила руку ему на грудь, под моими пальцами сердце владыки отбивало бешеный ритм.

– Надо же, бьется, – удивилась я перед тем, как провалиться в темноту.

Последнее, что я слышала это голос Имириэля.

– С чего вдруг?

Когда я пришла в себя первая мысль была «Ян жив». Неважно было, что он где-то далеко, неважно, что наверняка он вернулся в клан и я, скорее всего не увижу его больше, главное, что он жив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.